

Защита миролюбивого царства

Маршалл Мэсси

“The Defense of the Peaceable Kingdom”, by Marshall Massey – 1985

Переведено и опубликовано при поддержке благотворительного фонда The Joseph Rowntree Charitable Trust.

Перевод Наталии Наказнюк

Редактирование Татьяны Григорьевой и Натальи Журавенковой

«Мы знаем, что Земля не принадлежит человеку; это человек принадлежит земле. Мы знаем, что все живые существа соединены между собой кровной связью, как члены одной семьи. Все они родственники. Что бы ни случилось с землей, всё это случится и с её сыновьями. Не человек плетет паутину жизни; он всего лишь одна из её ниточек. Что бы он ни сделал с паутиной жизни, он проделал это над собой.

... Даже белый человек... не может избежать общей судьбы... Что мы определенно знаем, и что белому человеку еще, пожалуй, предстоит уяснить себе – Бог у нас один на всех. Может быть, вы и думаете в данный момент, что владеете им, так же, как хотите владеть нашей землей; но это не так. Он – Бог всех людей, и его милосердие распространяется одинаково как на краснокожих, так и на бледнолицых людей. Наша земля драгоценна для него, и причинить ей вред означает нанести оскорбление ее Создателю. Белые люди исчезнут тоже; и, возможно, даже быстрее, чем другие племена. Продолжайте пачкать свою постель, и однажды ночью вы задохнетесь в собственных отходах.

... Итак, если мы продадим вам нашу землю, любите ее так, как любили ее мы. Заботьтесь о ней так, как мы заботились о ней... И всеми вашими силами, всей мощью вашего ума, всем сердцем вашим храните ее для своих детей и любите ее ... как Господь любит всех нас».

Вождь Сиэтл, вождь племени Суквомиш
на территории штата Вашингтон [1]

[1] Отрывок из речи, посвященной передаче родовых индейских земель правительству США, 1854. Перепечатано с любезного разрешения Хелен Михайловски, редактора издания «Активное ненасилие в Соединенных Штатах, власть народа», 1977, стр. 7.

Любимая американскими защитниками окружающей среды речь Вождя Сиэтл, вероятно, не вполне подлинна, а возможно, и совсем не подлинна. Говорят, что он произнес эту речь в 1854 году, но самый ранний газетный репортаж о ней датируется 1887 годом.

Часть 1. Головы Цербера

Кажется, в нас обитает сила, мешающая нам смотреть и видеть результаты наших действий.

И этот факт нигде не проявляется столь очевидно, как на двух противоположных полюсах человеческой морали. На полюсе падения морали самые ужасные нравственные преступления, самые невообразимые поступки редко воспринимаются как таковые лицами, их совершающими. Начиная от религиозных войн в Европе и бойни индейцев на нашем континенте и вплоть до сегодняшнего дня – руки, более всего в западной истории обогранные кровью, всегда были приделаны к мозгам, абсолютно уверенным в правоте своих действий. В сущности, каждый политический лидер, по-видимому, убежден в том, что зло, которое он делает, оправдано. Тому, кто в этом сомневается, достаточно посмотреть на поведение недавних президентов нашей нации.

На самой же вершине этого спектра человек, не осознающий основ нравственности своих действий, не только служит притчей во языцех, но и представляется самым обычным жизненным явлением.

Осознание этих базовых истин, конечно же, не ограничивается кругом Друзей. Оно залегает где-то в сердцевине большинства религий, живущих полной жизнью; это основная аксиома психологии; именно то понимание, на котором основывается политический либерализм.

Однако именно Друзья, на очень раннем этапе своей истории отличились тем, что довели это понимание до его логического завершения. Они видели – то, что верно в отношении лидеров общества, выдающихся святых и исключительных грешников, справедливо также и по отношению к простым людям. И поскольку это верно по отношению и к тем, кого мы боготворим, и к нашим гонителям, это так же справедливо и по отношению к нам самим.

Таким образом сформировалась квакерская практика, которая по своим итоговым результатам, доказала свою революционность. Это практика пристального внимания к своему собственному *каждодневному* поведению, – не просто внимание к поведению других людей или к собственному поведению в кризисных обстоятельствах, – а решение вопроса о том, не следует ли пересмотреть те действия, которые всегда казались такими разумными.

Задумайтесь над словами Джона Вулмана, которыми он начал свой первый великий трактат против рабства:

«Общепринятые обычаи и взгляды, полученные молодыми людьми от старших, прививаются самым естественным путем (т.е. он имеет в виду, что мы не утруждаем себя сомнениями по поводу подобных вещей и не оспариваем их), особенно если они не противоречат нашим собственным наклонностям. Но поскольку Божий суд, перед которым должна предстать наша душа, справедлив, было бы величайшей мудростью идти впереди устоявшихся обычаев и мнений и проверять богатство души с помощью непогрешимого стандарта – Истины». (1)

Подобно многим другим созидателям и инициаторам среди ранних Друзей, Вулман пришел этим путем к впечатляющему разнообразию откровений и свидетельств. Например, мы можем проследить, как он использует эту практику в аргументации формирования собственной позиции по поводу беспробудного пьянства:

«... Есть и те... чьи примеры оказывают сильное влияние на умы других людей, приверженцы обычаев, настоятельно влекущих к распитию более крепких напитков, вопреки тому, что подсказывает простое благоразумие... что также является поводом для сетований, поскольку препятствует распространению духа смиренности и развязывает руки заядлым пьяницам». (2)

Мы также можем видеть это в случае, когда он описывает тихие радости простой жизни:

«И это мы, кто выступает против войн и подтверждает – наша вера быть исключительно в Боге, так будем же ходить в Свете и там засвидетельствуем наши основания и мотивы к обладанию огромными поместьями! Посмотрим же на сокровища наши и на обстановку в наших домах, на одежды, коими украшаем мы себя и проверим, не возвращаются ли во всем этом семена войны...» (3)

Прежде всего, мы видим подход Джона Вулмана – его готовность подвергнуть проверке в Свете любую общепринятую концепцию и обычай, в его обширных трудах на тему рабства. И это не удивительно, поскольку именно в вопросе рабства, более, чем по какой-либо другой теме, Вулман желал заставить Друзей стряхнуть путы социальной обусловленности и увидеть ситуацию в истинном свете:

«Поскольку в самых религиозных общинах среди англичан распространены импорт и покупка... рабов, и поскольку исповедующие христианство в некоторых других странах поступают точно также, эти обстоятельства делают людей менее склонными пристально рассмотреть эту практику, а также и то, как бы они поступили в случае, если бы такой практики не существовало, и она только предполагалась...» (4)

Мне кажется, мы привыкли рассматривать подобные утверждения через призму порожденных ими свидетельств: антирабовладельческое движение, практическое свидетельство о мире, добровольная простота и так далее. Эти свидетельства

действительно важны, и возможно, поэтому бывает слишком легко уделять внимание самим свидетельствам, пренебрегая при этом породившим их методом.

Но если из этого метода произошли свидетельства – а к ним также относятся ненасильственный протест, изобретение исправительных заведений, равенство полов и процесс принятия решений через единство мнений, т.е. все, что, безусловно, трансформировало англо-американское общество, то насколько мы обязаны этому методу? Если сейчас мы им пренебрегаем, то поступаем ли мы при этом мудро?

Похоже, что помимо свидетельств этот метод принес ранним Друзьям еще одно преимущество: среди тех, кто практикует этот метод, есть ясное осознание *природы* той силы, что ослепляет нас и не дает увидеть последствия наших поступков. Эта ясность видения была присуща Вулману, и в своих трудах он неоднократно пытался изложить это понимание словами. (5) Но наиболее четко его выразил другой ранний квакер Эдвард Бароу:

«... Бароу, современник Джорджа Фокса и выдающийся квакерский служитель, считал, что видение человека падшего настолько затуманено и искажено, что он не способен сформировать ясную концепцию природного естества и его гармонии. Но человек возрожденный, духовный христианин, обретает новое ясное видение, дающее ему возможность осознать все существа такими, какими они являются в действительности и обращаться с ними так, как и следует с ними обращаться». (6)

Говоря современным языком, основная мысль здесь следующая: как члены общества, мы проживаем большую часть своей жизни, пребывая в иллюзии. Мы видим не то, что существует в реальности, а то, что внушают нам наша культурная среда, родители, учителя и наши ровесники. И поскольку мы в значительной мере склонны делиться этой иллюзией друг с другом, она объединяет нас и помогает нам сплотиться (в манере, весьма отличной от единения чистого духа). А это в свою очередь делает очень трудным эту иллюзию-мечту отбросить. Вместе с тем, поскольку это *всего лишь* иллюзия, она скрывает от нас вред, который мы причиняем, и отсекает нас от ясности суждения.

Нам не удалось уделить большого внимания существованию этой иллюзии в наших современных описаниях квакерских свидетельств. И все же, о чем я уже упомянул, квакеры фактически представили глубочайшее историческое свидетельство об этом. Такое свидетельство, в сущности, задолго предвосхищает квакерство – разве Христос не заповедал нам не искать сучок в глазу соседа своего, пока не вынем бревно из своего глаза?

Слова эти сохраняют свою силу и по сей день, и все, что я собираюсь сказать, опирается на важность этого в высшей степени основополагающего, древнего свидетельства. Я полагаю, что пока мы не осознаем, с какой силой коллективная иллюзия способна нас обмануть, нам может показаться совершенно нетрудным отказаться верить в то, что крупномасштабный кризис, настоятельно взывающий к нашему коллективному

вниманию и экстренно требующий в ответ принципиально нового квакерского свидетельства, уже разразился, а мы его не заметили.

Очевидно, что со временем коллективная мечта общества медленно видоизменяется. Здесь, в Америке, наша коллективная мечта приблизительно все та же, что и в 1957 году. Но пороки, порождаемые этой мечтой, могут меняться значительно быстрее, нежели сама мечта, происходит это по той же самой причине, по которой внешние обстоятельства могут меняться гораздо быстрее, нежели способность общества реагировать на них.

За последние годы случались такие времена, когда мы, квакеры, обнаруживали удивительнейшую способность к быстрому распознаванию этих новых скверн и моделировали соответствующую реакцию. К примеру, такой была наша реакция на призыв во время войны во Вьетнаме, именно так мы реагировали на нужды беженцев от американских войн, и таковы были наши усилия бросить вызов идее «разумности» обладания нашим государством ядерным оружием.

Но все эти проблемы укладывались в набор тем и вопросов, к которым у нас традиционно выработана особая чувствительность: темы войны и мира, жестокости и сострадания к ближнему.

Однако у нас не сложилось обостренной чувствительности к проблемам окружающей среды, и, в результате, мы осознаем важность этой проблемы немногим глубже, чем простой рядовой американец. Конечно же, мы обращали внимание на существование экологических проблем. Мы реагировали на них в наших «Советах и вопросах», а также «Практических руководствах». Многие из нас принимали участие в работе экологических организаций в качестве частных лиц, или участвовали в публичных обсуждениях экологических проблем. Но нам не удалось разглядеть всеобъемлющую значимость и безотлагательность экологического кризиса – значимость и безотлагательность, по *меньшей мере*, столь же существенные, а, возможно, и более существенные, как и кризис ядерного оружия. Нам не удалось увидеть, что экологический кризис обладает гигантским духовным измерением, которому *необходимо* уделять внимание, если мы собираемся искать пути решения кризиса. И нам не удалось заметить, что в мире не существует ни одного религиозного движения, которое в достаточной мере обращалось бы к этому духовному измерению.

В этом отношении, мы оказались точно так же под дурманом коллективного заблуждения, против чего выступал Джон Вулман, как и все остальное наше общество.

Список цивилизаций, разрушивших самих себя или серьезно ослабивших себя неразумным использованием экологических ресурсов, довольно длинный. Среди прочих он включает шумеров и вавилонян, микенских греков, римлян в Северной Африке, майя в

Гватемале, обитателей о. Пасхи, средневековых китайцев, хохокамов из Аризоны, жителей Индии, жителей Сахеля и американских фермеров из региона Пыльного Котла, более близких к нам по времени. Ни одно из этих сообществ не предвидело опасности, и ни одному из них не удалось избежать печального конца. Сила коллективного наваждения унесла жизни всех и каждого. Опасность, противостоящая нам, не нова. Нет ничего нового, кроме ее масштаба и размаха.

Именно в оценке масштаба и размаха мы, Друзья, и совершили ошибку.

Нынешний экологический кризис фактически представляет собой не один, а три кризиса. Менее сокрушительный из них – *кризис поддерживающей способности окружающей среды*. Именно он послужил причиной гибели прошлых цивилизаций. А сейчас он способен опустить занавес над современной цивилизацией по всему земному шару и вернуть нас на тысячелетия в Средневековье.

Вторым по значению является *кризис вырождения и разрушения генофонда*. Он обещает быть более долгим, но приведет к практически необратимому концу цивилизации. Самый страшный кризис угрожает *производителям кислорода на нашей планете*. Именно этот кризис, если не заняться им немедленно, способен буквально стерилизовать всю планету, уничтожив саму жизнь за исключением анаэробных бактерий.

В отличие от угрозы ядерной войны, наносимые этими кризисами разрушения отнюдь не относятся к разряду потенциально возможных событий. Они происходят прямо сейчас. Они не зависят от одного неверного решения, которое, как мы надеемся, никогда не будет принято. Они являют собой кумулятивный эффект миллиардов мелких решений, принимаемых людьми, полагающими, что их участие в процессе разрушения «не зачтется».

Становится ясным, что, если не остановить процесс разрушения, то мы пройдем точку невозврата по каждому из этих трех кризисов в течение приблизительно ста лет. Реальность этого достаточно убедительно установлена в экологических исследованиях.

С другой стороны, как и в случае кризиса ядерных вооружений, эти три экологических кризиса совершенно необязательны. Ни одно из происходящих разрушений не является на самом деле существенным для выживания кого бы то ни было, или даже для процветания кого бы то ни было. *Этот* факт убедительно установлен экономическими исследованиями.

Следовательно, в плане рисков эти три кризиса не только важны так же, как и кризис ядерных вооружений, но и с точки зрения высшего разума требуют применения к ним незамедлительных мер. И все же, несмотря на этот очевидный факт, и, невзирая на быстро растущую численность организованных сторонников решения экологических проблем по всему миру, эти три кризиса, в отличие от кризиса ядерных вооружений, не являются ясно и четко сформулированной политической задачей ни в одной стране мира.

Экологические проблемы гораздо меньшего масштаба становятся предметом политического рассмотрения. И многие из них: и правильное использование общественных земель, и контроль за применением пестицидов, и кислотные дожди, и защита вымирающих видов, являются важными составными элементами трех больших кризисов. Но, пока что, не **все** значимые части трех больших кризисов стали вопросами политическими. К тому же, те вопросы, которые *приобрели* политическое значение, не получают от этого никаких преимуществ, поскольку рассматриваются безотносительно всей проблемы в целом.

В отличие от ядерной войны, в отличие от массы более мелких экологических проблем, три больших кризиса не обсуждаются кандидатами на выборные должности, по ним не проводятся даже и короткие дебаты в СМИ. Ни один телефильм, например, такой как «*На следующий день*», ни один художественный фильм, такой как «*Завещание*», не вызвали беспокойства у широкой публики. В самом деле, видные активисты замораживания гонки вооружений время от времени произносят речи, в которых заявляют, что, если разразится Третья Мировая война, то окружающей среды попросту не останется (что справедливо). И поэтому ядерная война является единственным реальным кризисом, над которым все мы должны продолжать работать (что неверно, поскольку подобные заявления игнорируют актуальность и безотлагательность трех важнейших экологических кризисов, хотя эти кризисы признаются многими, и им придают большое значение внутри движения в защиту окружающей среды).

Пренебрежение этими тремя кризисами на политических форумах и в СМИ отражается в недостаточной информированности населения. Безусловно, за последние годы экологические проблемы стали основной общественной заботой. Опрос за опросом, проводившиеся в нашей стране, показывали, что значительные группы электората, а во многих случаях подавляющее большинство, желают видеть окружающую среду, надлежащим образом защищенной, невзирая на затраты. (7) Довольно многочисленны признаки того, что подобный сдвиг общественного мнения имеет место по всему миру (8). Важность такого развития особо подчеркнул в своем интервью несколько лет тому назад Исполнительный директор «Сьерра Клуба» Дж. Майкл МакКлоски:

«В начале 1970-х экологическая направленность проявлялась в основном в деятельности верхушки среднего класса и интеллигенции. В конце 70-х службы общественного мнения показали, что наша система взглядов получила повсеместное распространение... она охватила в значительной степени все слои населения, независимо от уровня дохода и образования. Она стала общепринятой во всех регионах...

... Исследования деятельности американских политических партий показали, что подобные революции в общественной мысли и выборе направления в американской политике случаются крайне редко, а, случившись однажды, имеют тенденцию к сохранению на десятилетия». (9)

Тем не менее, современная всеобщая экологическая информированность общественности не распространяется до уровня осведомленности о кризисах. Типичная демонстрация этого проявилась в общенациональном опросе зарегистрированных избирателей, проведенном в начале 1982 года Национальным комитетом демократической партии. Опрос показал, что 67 % зарегистрированных избирателей хотят более строгих экологических нормативов, и что движение за охрану окружающей среды является единственной проблемой, по которой избиратели считают, что взглядов левее, нежели у демократической партии. Но, тем не менее, избиратели, участвовавшие в опросе, в основном согласились, что вопросы охраны окружающей среды не относятся к тем действительно серьезным проблемам, с которыми сталкивается наша страна (10). Похожие результаты продемонстрировали и другие опросы.

Именно эта массовая апатия, а не политическое или «массмедийное» пренебрежение, по-видимому, и есть сдерживающий фактор. СМИ сообщают о том, о чем публике хочется слышать. Политики начнут предпринимать действия, когда общественность начнет на этом настаивать. Но мне представляется в высшей степени показательным то, что, когда в 1981 году Пол и Анна Эрлих опубликовали весьма хорошо написанную, «поджигательскую» книгу о кризисе вымирания, их книга получила хвалебную критику и рекомендации к прочтению от целого ряда крупнейших изданий по всей стране. И все же книга «Вымирание», написанная ими, так и осталась изданной в единственном тираже в мягкой обложке. Ее даже нет в наличии во многих ведущих книжных магазинах моего города, и большинство из опрошенных мной людей, никогда о ней не слышали.

Откуда же берется эта избирательная слепота? Не потому ли, что эти три кризиса представляются нереальными? Едва ли так. Жак-Ив Кусто, основатель «Общества Кусто», говорил о кризисе выработки кислорода, а также о кризисе способности окружающей среды поддерживать устойчивое состояние. Он был всегда консервативным экологом, и даже предпочитал приуменьшать свои опасения, дабы не отпугнуть внимания более широкой аудитории. В экологической литературе всесторонне и тщательно рассмотрены и кризис способности окружающей среды поддерживать свою стабильность, и кризис вымирания, они стали предметом пристального внимания таких организаций, как «Сьерра Клуб», «Друзья Земли», «Институт глобального мониторинга» и организации «Действия в защиту окружающей среды». Вряд ли хоть один серьезный исследователь в области экологии будет отрицать насущную важность всех трех кризисов, хотя имеется большая неопределенность в оценке временных рамок данных процессов.

Итак, что же остается? Только власть коллективной иллюзии, обладающей, как нам уже известно, достаточной силой. Достаточной для того, чтобы убедить многих ранних Друзей, что в рабстве на самом деле не все так плохо, и убеждать сейчас многих американских избирателей в том, что есть серьезные основания для размещения Першингов и крылатых ракет как можно ближе к Москве.

Я бы предположил, что существуют некие ценности и убеждения, встроенные в наше общество и нашу культуру, которые, как сказал бы Вулман, удивительно точно соответствуют нашим природным наклонностям. А это в свою очередь сильно мешает нам поверить в то, что мы чрезвычайно зависим от такого большого количества разнообразных компонентов глобальной экосистемы, или, что те же самые компоненты, от которых мы зависим, сами могут нуждаться в нашем милосердии.

Может быть, эти самые ценности и убеждения содержат в себе и нашу твердую веру в то, что природу следует побеждать. И что вот мы её вот уж совсем победили, и нам теперь вроде не о чем беспокоиться. Может, они также включают пренебрежительный взгляд на девственную природу, дескать, она не имеет никакой важности, малозначима, и вообще не стоит внимания нормального человека. Можно добавить к списку мысль о том, что мир огромен, и поэтому мы можем ещё долго и долго причинять ему вред. И, наконец, отнесем сюда же решимость хватать себе все, что сможем, оставляя следующим поколениям удел позаботиться о себе самим. Вероятно, так же, как мы боимся думать о смерти, мы боимся и рассматривать эти допущения из-за опасения, что они могут оказаться ошибочными.

Насколько мы полагаем важными наши сиюминутные повседневные дела, карьеру и досуг, настолько мы можем не верить в то, что у нас есть «время» думать ещё о чем-нибудь другом. (Р. Дункан Фэйрн великолепно ответил на это, сославшись на А. Нив Брейшо. Его слова процитированы в лондонской *«Вере и практике»*: у нас ровно столько времени, сколько у нас его осталось, и когда мы говорим, что у нас для чего-то нет времени, мы всего лишь имеем в виду, что предпочитаем заняться чем-либо другим. (11) Но требуется определенный уровень зрелости, для того, чтобы, предавшись Господу, понять, что это означает; и, похоже, это та мудрость, которую большинство взрослых людей не стремится обрести.)

Наше общество о природе знает мало. Наше образование обычно ограничивается несколькими уроками в начальной школе, возможно, курсом биологии в средней школе, плюс то, что мы можем почерпнуть из газет и телевидения.

Большинство из нас живет в пригородах, где трава, цветы, кустарники и деревья, птицы, белки и пчелы создают у нас иллюзию обильной нетронутой экосистемы, где реальность не беспокоит нас по пустякам. Остальные в большинстве своем живут в городах. Почти все мы проводим большую часть нашего времени в четырех стенах, где наше внимание занимают изделия рук человеческих или какие-то мысли. Даже вне дома, на открытом воздухе у нас нет веских причин для того, чтобы попытаться понять тот мир, в котором мы пребываем.

Такой образ жизни закрепляет наше невежество и склоняет нас к недооценке важности экологических кризисов. Стоит ли удивляться данным опроса американцев, проведенного 1982 году: большинство из них выступает за усиление природоохранных

мер, но в том же самом опросе 45 % респондентов полагают, что меры по контролю за загрязнением окружающей среды ложатся несправедливым бременем на промышленность. (12) И опять же, является ли сюрпризом то, что самые уважаемые экономисты в нашей стране (за небольшим исключением) все еще полагают, что наши экологические проблемы никак не связаны с прогнозами на то, какой будет экономика через десять лет? Как писал Пол Эрлих, «проблема, вероятно, заключается в том, что экономисты слишком долго и слишком пристально вглядывались в ... стандартные экономические тексты». (13) Мы формируем свои представления о важности окружающей среды не из практического опыта, а слушая друг друга или просто из чистого воображения, и мы немногим отличаемся от Рональда Рейгана, который сказал: «Причина загрязнения окружающей среды – деревья».

И в этой ситуации эксперты в области экологии и биологии при частичной поддержке некоторых заинтересованных организаций, пытаются предупредить мир об опасности и масштабности экологических кризисов. Их усилия сосредоточены главным образом на то, чтобы предоставлять факты. Но эти факты и сами кризисы – это всего лишь три головы Цербера. А существуют они благодаря его телу – нашей коллективной иллюзии, из-за нашего коллективного отказа видеть. Экспертам и организациям не удалось привлечь внимание к сущности всего чудовища целиком. В результате, хотя им и удалось подлить масла в костер всеобщего беспокойства по поводу загрязнения окружающей среды, сама сущность их идеи была не понята. Победила сила иллюзии. Обращение с иллюзией, воплощенной в теле Цербера, – задача в высшей степени духовная, это прекрасно понимали Вулман и Бароу, а с ними и многие другие Друзья. И именно по этой причине, присутствие квакеров *как организации*, современное последовательное свидетельство Друзей так насущно необходимо сейчас.

Часть 2. Скорби Эдемские

Идея цикличности – замкнутого, самовоспроизводящегося процесса – лежит в основе экологической науки. И это не просто фундамент, на котором построена экология. Это также и пол, и стены и крыша, а также – для ровного счета – еще и двери, окна, водопровод и канализация, цветовая гамма, обстановка и всякая бытовая техника. Подобно тому, как грамматика являет собой скрытую логику языка, математика – скрытую логику физики, слушание есть скрытая логика квакерства, а любовь – скрытая логика сердца, так и цикл является скрытой логикой леса и поля, ястреба и первоцвета, живого океана и каждой живой клетки.

В экологии всё циклично. Движение по кругу, хоровод – это и есть сюжет великой Книги Природы. А из этого факта следует чрезвычайно простая истина: когда мы говорим о защите окружающей среды, когда мы заботимся о Земле, *создаем для будущего*, не принимая во внимание законов работы цикла – мы лжем.

Некоторые из фундаментальных циклов знакомы каждому, кто изучал биологию в школе: например, кислородный цикл, описывающий, как воздух попадает к нам в легкие во время дыхания, в нашем теле он соединяется с пищей, съеденной нами, и превращается в углекислый газ, который мы потом выдыхаем обратно в воздух. А там этот углекислый газ поглощают растения, отбирают из него углерод и высвобождают свободный кислород, которым мы снова можем дышать.

Углерод следует по дополнительному циклу – выходит из наших легких как углекислый газ, затем поглощается растениями и становится их частью, потом его съедают животные, он сгорает и снова становится углекислым газом или же остается частью их тел и, когда они умирают, попадает в землю и удобряет почву.

Существуют также азотный цикл, фосфорный цикл – циклы для каждого элемента химии жизни. Есть цикл, в системе которого вода движется, испаряясь из океанов, выпадая дождями, затем она насыщается корнями растений, в растениях соединяется с углеродом, и тогда получается сахар, и так далее. Все эти циклы настолько тесно взаимосвязаны, что каждый из них должен двигаться в безукоризненной гармонии с другими. Если остановится один, остановятся и все остальные. Но в природе они никогда не замирают надолго, и по мере того, как одни элементы соединяются в одном месте и расходятся в другом, бесконечно меняя партнеров, сама жизнь и её действие будет продолжаться.

Ничто не остается неизменным, течет все в мире.

Сцепляется фрагмент с фрагментом – так вещи новые вырастают,
Пока мы не узнаем их, и имена им не присвоим. Но постепенно
Сливаются они и превращаются в дотоле незнакомые предметы.

Вот кубок с молоком и нечто темное вон в том кувшине,

Они лишь странники, пришедши издалека,

А вот снежинка, что когда-то пламенем была,

А пламя некогда – звезды частицей.

И семена, что были нами, теперь взлетают и летят,

То прибывает их к земле, то в небо их уносит.

Они не потерялись, лишь разъединились. Жизнь продолжается.

Отдельные лишь жизни умирают.

И все-таки, жизни, которые умирают, это и есть циклы видов: жизнь после жизни, новые жизни появляются постоянно, как волны, набегающие на берег. Есть и другие циклы, объединяющие разные циклы, как звенья в цепи – пищевой цикл, например, в котором травоядные животные поедают растения, плотоядные животные поедают травоядных, а когда плотоядные особи умирают, крохотные существа, живущие в почве, перерабатывают их атомы в питательные вещества для корней нового поколения растений. Именно эти циклы, в большей степени, чем циклы химических элементов, привлекают внимание экологов.

Но пищевые циклы и жизненные циклы самым тесным образом связаны с циклами элементов, равно как и циклы элементов связаны друг с другом. Уничтожьте растения, и замедлится кислородный цикл; поддержите весной и летом водный цикл хорошими дождями, и поля дадут богатый урожай зерновых, умножится число мышей и птиц, поедающих зерно, в свою очередь это приведет к процветанию змей, лис и ястребов – укрепится весь пищевой цикл.

Циклы внутри циклов: повсюду взгляд эколога находит тому все новые и новые подтверждения. Внутри пищевого цикла, например, бесконечное множество более мелких кибернетических циклов. Избавьтесь, скажем, от змей, ястребов и лис – полевые мыши размножатся бесконтрольно, уничтожат съедобные растения, а потом умрут от голода. Ястребы и лисы представляют собой часть кибернетической пищевой цепочки, которая удерживает популяцию мышей-полевков от выхода из-под контроля.

Изучите экологию на достаточно глубоком уровне, и у вас неизбежно возникнет ощущение того, что мир работает точно гигантский часовой механизм, в котором все неисчислимые циклы вертятся как самостоятельные шестеренки, подталкивая друг друга по бесконечному кругу, заставляя двигаться стрелки человеческой цивилизации. И в основном это ощущение верное – именно *так* работает мир.

На этом примере мы получаем картину того, что в реальности представляют собой кризисы, угрожающие нашей планете. Если открыть заднюю крышку часов и сунуть туда палец, чтобы остановить маховик, или погнуть одну из шестеренок так, что она перестанет вращаться должным образом, часы встанут. Стрелки перестанут двигаться. С экологическими кризисами дела обстоят точно так же: они являются ключевыми точками, в которых подвергается нападению и может погибнуть жизненно важный цикл, от которого зависит наша цивилизация или наша планета.

Конечно, не все циклы экосистемы одинаково важны. Если рыбка дротик-моллюскоед или черноногий хорек или калифорнийский кондор или горбатый кит или какой-нибудь вид носорога вымрут, мир обеднеет от этой потери, но не закончится.

С другой стороны, если перестанут идти дожди, из-за засухи погибнет урожай, а мы будем голодать. Если кислородный цикл получит достаточно серьезные повреждения, мы умрем из-за передозировки углекислого газа. Если уничтожить в почве азотфиксирующие микроорганизмы, земля постепенно превратится в пустыню. Если с помощью пестицидов уничтожить полезных насекомоядных насекомых, которые контролируют численность сельскохозяйственных вредителей, пожирающих урожай, нам придется выбирать между повальным раком или голодом.

Некоторым людям непросто осознать, что наша жизнь зависит от циклов, в которых мы не принимаем непосредственного участия, а экологические кризисы и есть как раз те самые точки, в которых эти циклы попадают под удар. Нам непривычно мыслить в терминах циклов. Вместо этого мы предпочитаем думать линейно, что в свою очередь

затрудняет возможность понять и осознать, каким образом мы сами создаем угрозу собственному будущему.

Поразительно уместным примером может послужить позиция президента «Доу Кемикал» – влиятельного и могущественного человека по имени Пол Орефис. Немногим более года тому назад г-н Орефис появился в шоу NBC «Сегодня», где сообщил, что не стоит беспокоиться по поводу диоксина, который его компания сливает в реку Титтабавасси, Мичиган, потому что «нет абсолютно ни малейшего свидетельства того, что диоксин причиняет вред человеку, за исключением небольших дефектов кожи под названием хлоракне».

Оставим в стороне бесспорную очевидность того, что диоксин разрушил здоровье ветеранов войны во Вьетнаме и жителей Лав-Канала. И даже если не принимать во внимание то, что в пересчете на вес диоксин оказался в 150 000 раз более ядовит, чем цианид, непреложным остается факт, что г-н Орефис даже не побеспокоился подумать о том, что диоксин способен сделать с *другими* живыми существами.

Нет сомнений в том, что диоксин смертелен не только для людей, но и для любых форм жизни: в 1976 году, когда после промышленной аварии облако диоксина опустилось на город Севесо в Италии, пару десятков детей человеческих пришлось немедленно госпитализировать; но при этом в регионе погибли сотни кроликов, цыплят и других животных. Умерли также практически все лесные птицы. У полевок – мелких норных грызунов, отловленных в ходе недавно проведенных научных исследований, были выявлены признаки серьезного диоксинового отравления.

Агентство по охране окружающей среды располагает документальным подтверждением того, что количество накопленного в телах рыб реки Титтабавасси диоксина достигло опасного уровня. Существует свидетельство того, что в естественной природной среде диоксин сохраняется практически вечно, отравляя каждое последующее поколение существ, подвергшихся его воздействию. Попадая в пищевой цикл в достаточном количестве, он может вызвать отравление и у человека. Но, что гораздо хуже, если он проложит дорогу в океан, там он, вполне возможно, поспособствует нарушению глобального кислородного цикла. (Позже я вернусь к этому вопросу.)

Совершенно очевидно, что г-н Орефис не обременял себя долгими раздумьями на эту тему. Вполне вероятно, ход его мысли таков: сливает его компания отходы в реку, ну а дальше – забота не его. Таково недомыслие линейного мышления.

Иногда можно услышать возражения в том духе, что, дескать, мир настолько огромен, что мы не можем оказать действительно заметное воздействие на его функционирование, что великие циклы, такие как глобальный пищевой и глобальный кислородный будут длиться вечно, недосыгаемые для нас. Было бы хорошо, если бы это было так!

Но нам следует помнить, что на земном шаре сейчас проживает 4,4 миллиарда людей, по сравнению с 4 миллиардами всего лишь восемь коротких лет тому назад. [*К концу 2014 года численность населения земли достигла почти 7,3 миллиардов – прим. ред.*] И что едва ли в мире сохранилось место, где бы мы не оставили своих следов. Все тропические леса, казавшиеся неприступными для исследователей еще сто лет тому назад, теперь вырубают на древесину и расчищают под сельскохозяйственные угодья. Банки из-под газировки и пластиковые пакеты находят в самых отдаленных местах Тихого океана. Так как мы переделываем окружающую среду под наши потребности: осушаем трясины и заболоченные земли, растаскиваем коралловые рифы на сувениры, меняем русла рек, превращаем леса в лесные фермы, на равнинах заменяем стада диких животных нашими одомашненными коровами и овцами, вспахивая землю на холмах, оголяем склоны, сливаем сточные воды в море, извергаем кислоты в небо, травим все, что конкурирует с нами за пищу – словом, нет ни одного колесика в великом всемирном часовом механизме, которое мы не попытались бы подкрутить.

Итак, мы с вами на месте водителя, руки у нас на рычагах управления. Все циклы экосистемы, все механизмы, которые убьют нас или будут поддерживать нашу жизнь (в зависимости от того, что мы с ними сделаем), переключены с «автоматического управления» на «ручное». И пока мы упорно придерживаемся позиции по типу заявления г-на Орефиса в шоу «Сегодня», наша ситуация похожа, скорее, на ту, когда пьяный водитель мчится по извилистой дороге после наступления темноты и решает выключить фары, чтобы дать отдохнуть глазам.

На самом деле, сейчас, возможно, самое подходящее время для того, чтобы взглянуть на дорогу, простирающуюся перед нами.

Истощение земли

Что бы вы сделали, если бы решили завести ферму в девственной местности?

Обычно начинают с расчистки земли. Вы вырубаете деревья, расчищаете кустарники, привозите трактор, вскапываете и разбиваете почву, прогоняете животных. *Вы разрушаете все жизненные циклы, существовавшие на этой земле до того, как вы решили присвоить ее.* И вы заменяете эти циклы чем-то линейным – незамысловатым процессом, в ходе которого вы выращиваете что-то на своей земле, собираете выросший урожай или забиваете скот, и отправляете все на рынок.

То же самое относится и к пахотным землям, пастбищам и выпасам, лесным фермам. Проблема заключается в том, что мы делаем с почвой, когда таким образом эксплуатируем землю.

Многие понимают проблему хотя бы частично, из собственного опыта садоводства и выращивания комнатных растений: они знают, что растения получают многие нужные им

элементы через корневую систему из почвы, и если не восполнить убывание этих элементов с помощью удобрений, почва истощится, и растения начнут умирать.

Потребность в удобрениях сигнализирует о наличии проблемы. Но добавление удобрений само по себе решает проблему исключительно только в масштабах небольшого садика или цветочного горшка. Как говорил когда-то эколог Пол Сиэрс, хорошая сельскохозяйственная почва не просто «инертный химический материал, который вы можете производить так же, как отливать одинаковые предметы из стекла», это «субстанция высокоорганизованная и развивающаяся», комплексное производное всех циклов, существовавших на этой земле до того, как мы начали обрабатывать ее. Она была создана и обогащена в основном телами растений и животных, которые на ней жили и умерли. Тесно переплетенные корни трав и деревьев удерживали ее от оползней во время дождей и наводнений, а круглогодичный наземный растительный покров сохранял в ней влагу и защищал от ветра. Её рыхлили, вспахивали и насыщали воздухом разного рода роющие организмы.

Всему этому приходит конец, как только мы забираем землю под сельскохозяйственные угодья. Мы уничтожаем роющих животных, и вместо них нам приходится вспахивать ее механически, чтобы земля стала рыхлой и чтобы семена могли пустить корни. Наши плуги разрушают корневую систему, они и уборочные комбайны обнажают землю, делая её незащищенной к воздействию ветра и солнца, и утрамбовывают под верхним слоем в шесть дюймов.

На пастбищах, где мы допускаем чрезмерный выпас, скот копытами режет корни, зубами начисто общипывает почву, бросая её на произвол солнца и ветра. Там, где мы проводим сплошную вырубку леса, мы оставляем землю голой и беззащитной.

Результат всех этих действий один и тот же – ветровая и водная эрозия. Потеря почвы. И, в отличие от истощения почвы, эту проблему нельзя решить с помощью удобрений – единожды пропав, почва **пропадает необратимо**. Плодородный верхний слой уступает место подпочве, которую приходится обрабатывать, прилагая больше усилий для того, чтобы получить куда более скудный урожай. В итоге, по мере того, как земля становится бесплодной, поля вытесняются пастбищами. Растительный покров оскудевает, земля высыхает. Со временем засушливыми становятся все большие территории, да и климат становится суше. И наконец, остаются только камни и пустыня.

Потенциальная продуктивность земли – ее способность поддерживать жизнь – уничтожена.

И это не единственный способ, посредством которого может быть утрачена потенциальная продуктивность земли. Когда в жарком климате фермеры орошают свою землю водой с небольшой примесью соли, начинается процесс засоления – соль постепенно отравляет землю. Когда люди вырубают леса на склонах холмов, возвышающихся над плодородными долинами, они совершают большую ошибку,

лишенные лесного покрова холмы теряют способность удерживать дождевую воду, и в результате происходят наводнения, которые уничтожают урожай и уносят почву с земель, расположенных в низинах. Разрушение потенциальной продуктивности земли не является неизбежным. В некоторых местах, например, в Англии и Китае, заботливые фермеры веками фактически увеличивали плодородие своих земель. Но если рассмотреть всю историю человечества, правилом здесь (как и во многих других ситуациях) было разрушение. Засоление почвы погубило Шумерское государство и Вавилон. Потеря почвы свела на нет леса и сочные травы с территорий земель вокруг Средиземного моря, превратив их практически в пустыню, что способствовало закату древней Греции и Рима. Истощение почвы положило конец цивилизации кхмеров и хохокамов. Истребление леса помогло сокрушить греков и жителей острова Пасхи.

На сегодняшний день десятки стран по всему миру балансируют на грани подобных экологических бедствий. Пустыни в сумасшедшем темпе наступают в Восточной Африке, в регионах Центральной Африки, Иране, Пакистане, Афганистане, Индии и Китае, угрожая жизням более чем 650 миллионов человек. В одной только Индии деградировало более 65% пахотной земли, и из-за эрозии, заболачивания и засоления более половины этой, плохого качества, земли уже не подлежит восстановлению. Не было бы потери этих земель, Индия могла бы *экспортировать* продукты питания, но вместо этого она очень близка к экономическому и политическому коллапсу. Египет находится на грани широкомасштабного голода из-за экологических последствий строительства плотины на Ниле. Аргентина и СССР превратились из ведущих экспортеров продуктов в чистых импортеров продуктов питания. В случае Аргентины, это, к счастью, явление временное, несмотря на относительно низкую плотность населения и обширные пространства сельскохозяйственных земель. В обоих случаях, частично проблемы возникли из-за недостатка умения возделывать свои бескрайние, но весьма уязвимые степи и прерии.

В мире каждый год мы теряем в целом приблизительно от 75 000 до 80 000 квадратных миль ранее продуктивных пахотных земель – площадь, равная всему штату Небраска. Оставшаяся пахотная земля практически повсюду непрерывно теряет производительность из-за истощения почвы и эрозии. Во многих частях мира проблема осложняется стремительным исчезновением лесов, что уже привело к разрушительным паводкам в Бразилии, Доминиканской республике, Индии, Китае, в большей части Юго-Восточной Азии и вызвало замещение ранее производительных лесов пустошами и непроизводительным мелколесьем в странах Третьего мира.

Даже Европу не обошли неприятности. В обеих Германиях и в Чехословакии кислотные дожди уже начали разрушать леса и оголять горные склоны. В ближайшие пятнадцать лет большие районы в этих странах, а также в Польше, Швеции, Норвегии, Франции, Швейцарии, Австрии и Югославии потеряют значительную часть существующих деревьев. Паводки из образовавшихся так называемых мертвых зон и закисление почвы в низинах уничтожат урожай, а, поскольку к тому времени у стран – ведущих экспортеров

пищевых продуктов этих продуктов, которыми они смогут поделиться, будет даже еще меньше, нежели теперь, нас почти наверняка в результате ожидает голод. (8)

У нас у американцев бытует мнение, что такие катастрофы никаким образом не могут случиться в нашей стране в течение нашей жизни: Соединенные Штаты кажутся слишком большими, слишком богатыми. Посмотрите Рельеф из Персеполиса, античный Иран ведь мы – крупнейший унифицированный производитель продуктов питания! К сожалению, Соединенные Штаты – стали обладателями одного из самых худших антирекордов в сфере обработки земли. Наше будущее отнюдь не столь безопасно, как мы думаем.

Ярчайшим примером нашего экологического идиотизма в прошлом остается наш юго-восток – регион, который и с самого-то начала не многим отличался от пустыни, а посему его было так легко загубить. Южная Калифорния, южная Невада, большая часть Аризоны и Нью-Мексико, южный и западный Техас, запад Оклахомы, частично юг Колорадо и южный Канзас – все эти регионы сильно пострадали. Территория вокруг Ранчо Призраков, где каждый год собирается Межгорное Годовое Собрание может служить хорошим примером того, что мы сами проделываем с собой. В 1936 году писатель Стюарт Чейз писал:

«Долина реки Чама когда-то была великолепна – крутые берега красного песчаника, кедры и сосны, прозрачные ручьи, богатые рыбой, сосновый лес, уходящий вверх по каньонам. Лес в верховьях был сведен на нет, травы из-за чрезмерного выпаса скота уничтожены. Долина теперь заброшена, изрезана овражной эрозией. Заиливание угрожает огромной правительственной плотине Эль Вадо. Некогда плодородные пахотные земли ниже Эбикью теперь под руинами прекрасных старых гасиенд и часовен занесены илом и песком. Эрозия достигает пика близ города Эспаньола. От реки осталось только два боковых притока. В остальной местности мергель (глинистый известняк), изрезанный ветром и водой, создал фантастический ландшафт Санта Фе – яркие цвета, причудливые формы «такие же бесполезные, как лунные горы»... Городки и деревни, такие как Намбе, когда-то окруженные пастбищами, полями и садами, стоят теперь в запустении по берегам высохших русел ручьев и рек. Ла Вентана, где раньше обитала сотня процветающих семей, вся теперь состоит из трех лачуг». (9)

Но то, что мы уже потеряли, не идет ни в какое сравнение с тем, что могло бы нас ожидать – Великие Равнины и засушливые долины Скалистых Гор, регион, составляющий 20 % от «исходных» 48 штатов. Как-то раз мы уже их почти потеряли.

Эта местность характеризуется сильными ветрами и скудными осадками, там до появления поселенцев почва удерживалась на поверхности земли только благодаря стойким местным травам. Когда скот поселенцев вытоптал и ободрал траву пастбищ, они начали жечь землю, чтобы «улучшить» состояние выпасов. И наконец, используя особые

стальные плуги, поскольку у обычных плугов не доставало твердости, они «разрыхлили дерн» для земледелия.

Результатом стало образование Пыльного Котла 30-х годов: от Техаса до Дакоты и от Колорадо до Миссури земля «испустила дух». Там за один день ветер поднял в воздух до 300 миллионов тонн верхнего плодородного слоя почвы. Seriously пострадали сенокосные угодья и пастбища на территории примерно в 257 000 кв. миль. Только после многолетней борьбы удалось вернуть эту землю на место и укрепить ее. Государственными служащими были посажены огромные «лесозащитные полосы» от Канады до Техаса, которые гарантировали невозможность повторения подобных катастроф.

Не прошло и двадцати лет после посадки лесозащитных полос, как фермеры снова начали их вырубать под пахотную землю. (10)

Мы просто-напросто отказываемся учиться чему-либо. Даже в 1949 году натуралист Алдо Леопольд описывал, как висконсинские фермеры начисто игнорировали любые формы охраны природы и правильного природопользования, если они не гарантировали им быстрой финансовой выгоды. «В конечном результате, – писал Леопольд, – мы имеем меньше почвы, меньше здоровых лесов и столько же паводков, как и в 1937 году» (11). Гораздо более поздний опрос фермеров из Небраски показал, что их абсолютно не беспокоят темпы эрозии, уносящей с их земель примерно дюйм верхнего плодородного слоя почвы каждые 12-15 лет. (12)

Согласно Эду Джонсу (D-Tenn.) – представителю США, председателю Подкомиссии палаты представителей конгресса США по охране окружающей среды, кредитованию и сельскохозяйственному развитию, высококвалифицированному специалисту и эксперту по сельскому хозяйству, начавшему свою карьеру в этой области в 1934 году, потери почвы на Среднем Западе в прошлом году были даже бóльшие, нежели в худшем из годов времен Пыльного Котла. И, тем не менее, в начале следующего года администрация Рейгана решила урезать финансирование на природоохранные меры по защите воды и почвы на 1985 год на 200 миллионов долларов! (13)

Масштаб кризиса производительности земли *здесь у нас в Соединенных Штатах* невозможно представить себе в полной мере, пока не осознаешь, сколь малая часть страны осталась практически нетронутой и в сравнительной безопасности. Несложно понять, что Юго-Запад разграблен и опустошен, что над Великими Равнинами нависла угроза: на протяжении всей нашей жизни для нас они были «периферийными» районами, всегда находящимися на грани вымирания. И наоборот, земля юго-восточных штатов с достаточным количеством влаги и пышной растительностью казалась практически неподверженной разрушению.

И, тем не менее, за одно-два столетия безответственной и непродуманной практики ведения сельского хозяйства, большая часть верхнего плодородного слоя почвы старого

Юга была утрачена навсегда. Ярким примером тому может служить ситуация в округе Стьюарт, Джорджия, где при полном безразличии фермеров всего один овраг рос беспрепятственно, пока не поглотил 40 000 акров земли, достигнув в глубину до 200 футов. Но даже там, где никогда не было оврагов, сильные дожди, типичные для региона, смывали богатые почвы. Сегодня традиционно высокая производительность южных ферм сохраняется только благодаря интенсивному использованию удобрений и пестицидов – практика, которая через несколько лет, когда иссякнут запасы нефти, станет непомерно дорогой.

Плодородные земли долины Миссисипи использовались также скверно. Засоление губит тысячи квадратных миль пахотных земель в Аризоне и южной Калифорнии. (15) Вблизи большинства наших крупных городов подземные воды, на которые рассчитывают многие фермеры, быстро отравляются из-за загрязнения токсичными отходами вплоть до невозможности использования. (16)

Практика чрезмерного выпаса вернулась на иссушенные земли Запада, на сей раз с благословения Бюро по управлению землями. Лесозаготовительная промышленность США почти полностью перешла от выборочной рубки (почвозащитная практика) к сплошной лесосечной рубке даже на крутых и неустойчивых склонах. (18) Открытые горнорудные разработки, разрушающие почву на века и отравляющие воду, предназначенную для сельского хозяйства, стали нашим преобладающим методом добычи угля на многих милях земель вниз по течению. (19)

В настоящее время в США обрабатывается около 550 000 кв. миль пахотных земель. Разрастание пригородов и застроек других типов за 15 последних лет отняло из оборота 40 000 кв. миль национальных сельскохозяйственных угодий, причем большая часть этих площадей принадлежала как раз к самым лучшим землям. (20)

Более всего пугают последствия загрязнения воздуха. Как кислотные, так и токсичные дожди (дожди с примесью ядовитых химикалий) уже сейчас уничтожают обширные участки высокогорных лесов на Северо-востоке и в центральных Аппалачах. Существует также серьезная угроза лесам Мичигана, Флориды, Калифорнии, Орегона, Вашингтона, Айдахо, Колорадо и Нью-Мексико. Как и в Европе, это неизбежно приведет к катастрофическим паводкам, ускорению эрозии и нарушению водоснабжения городов, расположенных в низинах. Самые лучшие «законопроекты о кислотных дождях», представленные на рассмотрение Конгресса, смогут уменьшить количество вырабатываемых кислот не более чем на 30%. (21)

Р. Нейл Сэмпсон, исполнительный вице-президент Национальной ассоциации окружных управлений по сохранению природных ресурсов, озвучил потрясающий прогноз – нам придется «ограничить ресурсы качественной земли». Другими словами, чтобы удовлетворить спрос, нам придется запустить ее *всю в работу* «где-то уже до 2000 года». (22) Получается, что нам осталось только 15 лет до начала реального кризиса.

Потому что, когда мы достигнем предела Сэмпсона, а потребность в продуктах питания будет возрастать и дальше, уже не останется адекватного способа удовлетворить его. Если мы будем расширять площади под освоение, это приведет нас к землям на крутых склонах, или с бедными почвами, или подверженным выдуванию почвы по типу Пыльного Котла – короче к таким землям, на которые нельзя будет полностью положиться даже на короткое время. Конечно, в любом случае мы будем вынуждены возделывать такие земли, поскольку население растет, а существующие сельскохозяйственные угодья продолжают деградировать и подвергаться эрозии. Но следует ожидать, что к 2050 году нам придется пожинать результаты таких действий: череду тяжелых лет, экологическое бедствие, введение нормирования продовольствия и/или голод.

Как только мы приблизимся к этому моменту – если только мы позволим себе дойти до такого – проявят себя и другие опасные факторы. История показывает, как только цивилизация достигает предела производительности своих земель и сталкивается с голодом, ответной реакцией становится усиление интенсивности обработки оставшейся земли. Это, однако, не оставляет земле шанса на восстановление и заставляет ее деградировать все быстрее и быстрее. Скольжение вниз по склону становится все стремительнее. Именно так рушатся цивилизации.

Итак, вот первый и наименее опасный их трех великих экологических кризисов. Ключом к его пониманию является не просто признание того, что многие отдельные формы деструкции производительности земли объединяются в мощную тенденцию, которая легко может выйти из-под контроля. Ключ лежит в признании того, что кризис существует только потому, что мы не способны вписаться в природные циклы.

Каждый разрушительный процесс, описанный здесь, всего лишь проблема плохого менеджмента. Для каждого из них имеются решения. Кислотные дожди и засоление можно ликвидировать. Вырубку лесов, горнорудные разработки и методы ведения сельского хозяйства можно сделать безопасными. Опустынивание можно остановить; со временем этот процесс даже можно повернуть вспять.

По существу, этот кризис не является неизбежным. Но, тем не менее, он случится, если те, кто видит его приближение, не проявят волю, чтобы предотвратить его.

Часть 3. Молчаливый ковчег

Приблизительно десять тысяч лет тому назад завершился Ледниковый период – для геологов он не что иное, как эквивалент всемирного Потопа. И, по мере того, как ледниковый покров таял, отступал и, наконец, исчез, берега Северного Ледовитого океана заново открылись для колонизации живым существам.

Вероятно, сначала это случилось в Старом Свете, поскольку ледники там никогда не были столь обширными, как в Северной Америке. Колонии чаек сочли суровое унылое побережье весьма привлекательным; их потомки очень быстро приспособили это место для своей комфортной жизни. По мере того, как отступали ледники, чайки распространялись на запад, к Скандинавии, и на восток через Берингово море в Канаду. Эволюция шла своим чередом, и чайки с далекого запада все меньше и меньше походили на чаек с дальнего востока.

В конце концов, представители обеих групп повстречались вблизи Великобритании. И оказалось, что произошло нечто странное.

Чайки, прибывшие в Британию из Канады и Гренландии (британские серебристые чайки) не могли скрещиваться со своими кузенами из Скандинавии, британскими клушами. Эволюция развела их слишком далеко. Они стали двумя разными видами.

Или все-таки не стали? Британские серебристые чайки по-прежнему могли скрещиваться с чайками из Канады, те могли скрещиваться с сибирскими чайками, которые могли скрещиваться со скандинавскими чайками, которые, в свою очередь, могли скрещиваться с британскими клушами. Ввиду наличия такой перспективы, они все же принадлежали к *одному и тому же* виду.

Какой же подход к проблеме является правильным? Должны ли мы согласиться тем, что они остаются одним и тем же видом, или все-таки следует сказать, что они принадлежат к разным видам? Ответ, конечно же, заключается в том, что *ни один из подходов* не является абсолютно верным. Экологи предпочитают вообще обходить этот вопрос. Вместо ответа, они утверждают, что две разновидности британских чаек представляют собой концы клина – спектра – близкородственных подвидов.

На самом деле, клины в природе встречаются довольно часто. Причиной тому является тот факт, что члены любого жизнеспособного дикого вида обычно несут в клетках своего тела невероятное разнообразие генов для такого же невероятного разнообразия различных физических характеристик. Можно легко заметить это на примере собак: дикие собаки, с которыми впервые подружились наши предки, много тысяч лет тому назад, уже несли почти все гены, нужные им для того, чтобы эволюционировать в современные породы от чихуахуа до сенбернаров. Создавая клины, природа работает примерно так же, как люди – заводчики, отбирая нужное из генов, уже присутствующих в клетках зверя (или растения). Но там, где заводчик собак будет отбирать гены, думая о внешнем виде и пользе для себя, природа руководствуется вопросами здоровья, стойкости к неблагоприятным внешним условиям и навыками выживания. В этом заключается важная разница.

В сущности, клины (и большое разнообразие генов, что, собственно, и делает клины возможными) принадлежат к важнейшим инструментам природы, помогающих

сохранять жизнь на нашей планете. К тому же, речь здесь идет не просто о возможности создания новых видов. Позвольте мне объяснить.

Возьмем, к примеру, ситуацию, когда дикие виды трав получают возможность распространиться по обширной холмисто-равнинной прерии, похожей на наши американские Великие равнины. Поскольку мы имеем дело с дикими видами, у них с самого начала в клетках будет колоссальное разнообразие генов. По мере распространения по прерии, начнет свою работу эволюция, выбирая наилучшие комбинации генов для каждого конкретного участка прерии, создавая повсеместно клины.

Спустя несколько тысяч лет, гены, которые помогли траве перенести холодную погоду, станут обычными для северной части прерии, но очень даже *необычными* на юге, они даже будут более распространены на северных склонах холмов и горных хребтов, нежели на южных. Гены, помогающие растениям переносить засуху, будут чаще встречаться в сухих регионах и менее часто во влажных низинах. Гены, делающее растение менее вкусным для вредных насекомых, появятся там, где живут эти насекомые.

Но эволюция на этом не остановится, поскольку существа, живущие в траве и на траве, будут эволюционировать вместе с ней. Другие растения, лучше всего сосуществующие с разновидностями трав, устойчивых к засухе, будут встречаться чаще всего в тех же самых регионах. Если какие-то растения, в своих первоначальных формах обычно вытеснялись с солнечного света разновидностями трав, типичными для заболоченных участков, они могли, в качестве компенсации, эволюционировать на таких увлажненных почвах. Разные виды насекомых и мелких животных могут предпочитать для обитания разные виды трав, и если (скажем) у южных разновидностей трав оттенки желто-коричнево-зеленого отличаются от оттенков цвета трав северных, то и окраска насекомых и мелких животных тоже будет отличаться, чтобы облегчить им возможность слиться с окружающей средой.

Пройдет десять тысяч лет, и коммивояжер, мчась по прерии в своем бьюике, может подумать, что все вокруг выглядит одинаковым, но к этому времени прерия уже превратилась в лоскутное одеяло маленьких мирков, многие из которых содержат подвиды трав, насекомых и кустарников, которых не найти больше нигде в мире. И, благодаря эволюции, каждый из этих бесчисленных маленьких миров становится все более и более уникальным с каждым проходящим годом.

Я бы хотел сейчас подбросить немного статистики, чтобы показать, насколько уникальными на самом деле могут быть эти маленькие миры прерий. К сожалению, похоже на то, что подобных исследований прерий еще не ведется (и в любом случае, все природные экосистемы прерий Северной Америки были давным-давно разрушены первыми поселенцами). Тем не менее, мы можем рассмотреть другие экосистемы: тропические дождевые леса Амазонки, Конго и обширного региона, протянувшегося от

Индии до Австралии – бесчисленные миллионы лет во всех этих экосистемах царил один и тот же климат. Дожди там были предсказуемы, Ледниковый период туда не дошел. В результате они настолько богаты уникальными видами, благодаря тем самым процессам, о которых я говорил, что никто, собственно говоря, не знает точно, сколько там видов растений и животных. Альфред Рассел Уоллес, одновременно с Чарльзом Дарвином открывший теорию эволюции, так писал об этих лесах:

Если путешественник обратит внимание на какой-то особый вид /дерева/ и захочет найти еще такие же деревья, может получиться так, что он будет напрасно оглядываться вокруг. Вокруг себя он увидит деревья различных форм, размеров и окраски, но среди них он редко найдет несколько одинаковых. Время от времени он будет подходить к дереву, которое покажется ему более-менее похожим на то, которое он ищет, но рассмотрев его поближе, путешественник убедится, что оно отличается. В итоге ему, может быть, удастся обнаружить второй такой же образец, а может быть, он потерпит полную неудачу, пока когда-нибудь в другой раз он абсолютно случайно не наткнется на то, что ищет. (1)

Совершенно противоположная ситуация: несомненно, очень скудная растительность бассейна Пиканс, Колорадо, в регионе нефтеносных сланцев. Почва бедная, климат сухой и суровый. Экосистема существует здесь всего лишь несколько тысяч лет, с того момента, когда закончился Ледниковый период. К тому же, площадь региона не так уж велика – где-то около 1 100 кв. миль. И все же, даже здесь, согласно последним исследованиям, обнаружены, по крайней мере, два вида растений, ранее науке неизвестных, и несколько растительных сообществ, не встречающихся больше нигде в мире. (2)

Если прерии и моложе и менее плодородны, чем берега Амазонки, но, тем не менее, они старше и богаче растительностью, нежели бассейн Пиканс. По биологической уникальности и разнообразию они находятся где-то посередине.

В силу вышесказанного, само по себе существование великого множества этих крошечных мирков (причем некоторые из них содержат действительно уникальные виды) делает прерии практически неуязвимыми. Условия будут меняться: климат потеплеет или станет более прохладным или влажным, или более сухим. Болезни и инвазии насекомых нападут на растительность; вырастут и пропадут горы, море будет наступать на землю и уходить прочь. Но неважно, какие из маленьких мирков прерии погибнут во время этих изменений, всегда будут другие, более удачно расположенные и лучше приспособленные, готовые занять их место. Прерии в целом выживут, адаптируются и их процветание не закончится.

Неважно, что случится, экосистема прерий останется нетронутой. И в этом, вкратце, заключается основная разница между любой дикой экосистемой и частицей часового механизма, с которой я сравнивал экосистемы в прошлом месяце. Часы

настенные или наручные не могут починить себя сами. Но, поскольку у экосистемы имеется нескончаемый запас и видов, и разновидностей, и необычных генов, из которых она может строить, она может реконструировать себя с удивительной скоростью после каждой новой перемены условий. Экосистема может модернизировать каждое отдельно взятое устройство, она может даже создавать новые устройства, если старые не оправдают надежд.

Несомненно, дикие экосистемы не что иное, как часы, обладающие магической силой самовосстановления.

К сожалению, однако, это справедливо только относительно диких экосистем. Наши искусственные варианты – фермы по производству продуктов питания и лесные фермы – лишены подобной способности к самовоспроизведению. Мы отняли у них такую способность.

Звучит невероятно, однако, это так. Вместо сохранения генетического разнообразия в продовольственных и древесных культурах, от которых зависит наша цивилизация, мы изолировали гены для самой продуктивной формы, которую только смогли найти в каждом виде, и затем вывели целые виды, сохраняющие именно эти гены повсюду в мире. Можете проехать несчетное количество миль по Канзасу, Вашингтону или Иллинойсу, и повсюду кукуруза или пшеница или соевые бобы, мимо которых вы будете ехать, будут почти безупречно генетически идентичны – фактически клоны.

Генетического разнообразия, которое могло бы образоваться на этих обширных территориях в управляемом гораздо лучше мире больше нет: ему позволили исчезнуть, и на его воссоздание ушли бы сотни тысяч лет.

Если изменится климат (а похоже, что появляющийся парниковый эффект гарантирует нам это), и эти «идеальные» сорта перестанут быть таковыми, у нас мало что останется. Если разразится болезнь, против которой у этих «идеальных» сортов не будет устойчивости, у нас нечем будет заменить их. То небольшое разнообразие, которое еще существует, сокращается год за годом.

* * *

Трудно поверить, насколько экстремальной является сложившаяся ситуация. В настоящее время 72 % урожая картофеля в Америке обеспечивают всего лишь четыре его сорта. Весь урожай сои в США происходит от всего-навсего шести растений, найденных в одном месте в Азии. (3) Ячмень, растущий в Тибете, генетически идентичен ячменю, который выращивают в Скандинавии. Пшеница на полях Турции произошла из мексиканских семян. (4)

Сельское хозяйство и лесоводство – не единственные производственные отрасли, избравшие этот путь. Рыбная, фармацевтическая и другие виды промышленности,

зависящие от живых существ, как «биоресурсов», усиленно работают над тем, чтобы сократить имеющийся генетический базис до «идеального» минимума.

У нас уже есть представление о том, к какой катастрофе это может привести. Самая известная случилась после того, как весьма ограниченное число близкородственных сортов картофеля монополизировало ирландское сельское хозяйство, и, в результате, в 30-х годах XIX века разразилась эпидемия патогенного для картофеля микроорганизма, вызывающего фитофтороз, устойчивость к которому у этих сортов была весьма незначительна, или отсутствовала вовсе. Мы помним это событие как Ирландский картофельный голод. Из восьми миллионов ирландцев, живших в то время, от голода погибли два миллиона, а еще два вынуждены были бежать из страны, чтобы спастись.

Подобные несчастья случались и у нас, но до сих пор они не приводили к реальному голоду. В 1953 году мутантная ржавчина пшеницы уничтожила 65 % урожая твердой пшеницы в Америке. Болезнь вернулась на следующий год и истребила 75 % урожая твердой пшеницы и 25 % пшеницы мягкой. Гельминтоспориоз листьев кукурузы уничтожил 15 % урожая кукурузы в США в 1970 году, фактически погубив высокоурожайные гибриды, с которыми связали свои надежды многие южные фермеры-производители кукурузы.

В качестве резервного фонда на случай катастроф такого рода в будущем, Министерство сельского хозяйства США содержит своего рода «банк семян» в Форте Коллинз, Колорадо, в нем на хранении находятся свыше 1300 видов семян. Но уже сейчас становится ясно, что такое решение не оптимально. Поскольку разные сорта содержатся в виде семян в холодильнике, а не в виде живых растений, каждый год определенное количество семян в банке теряет способность к прорастанию. Более того, если болезнь уничтожит урожай, то на производство адекватной замены семян уйдет от пяти до двадцати лет – слишком долго, чтобы остановить голод. Явное отличие от практически неистребимой прерии. (5)

На поверку, несмотря на длительную агитацию со стороны реформаторов, ситуация ухудшается. За годы, прошедшие со времен «Зеленой революции» 60-х, миллионы фермеров по всему миру отказались от старых местных сортов пшеницы, риса и других зерновых – сортов, возможно, не приносивших урожаев, поражающих воображение, но обладающих генетическим разнообразием и высокой устойчивостью к заболеваниям. Вместо них фермеры сажают коммерчески выгодные гибриды. Поскольку же гибриды стерильны, фермеры, перешедшие на такие сорта, не могут засеять свои поля частью урожая прошлого года. Им приходится каждый год покупать новые семена у больших компаний. А тем временем, гены старых сортов утрачиваются навсегда.

Тем временем, компании, торгующие семенами, убедили Конгресс США принять закон, позволяющий им патентовать (и монополизировать) любой сорт семян, чью

генетическую структуру можно точно написать на бумаге. Благодаря этому закону, компании, торгующие семенами, больше не заинтересованы продавать генетически-варибельные устойчивые к заболеваниям семена: все деньги вкладываются в неизменяющиеся, патентоспособные, в экологическом смысле самоубийственные гибриды.

Генетик Ройбе Олембо высказался без обиняков в 1975 году: «Когда фермеры очищают поля от разновидностей примитивных трав, они выбрасывают прочь ключ к нашему будущему». (6) Но речь идет не только о фермерах. Дикорастущие штаммы наших коммерческих зерновых все еще можно отыскать на пока неосвоенных землях – кукурузу в Мексике, пшеницу, ячмень и рожь вокруг Средиземного моря, и т.д. – но цивилизация быстрыми темпами завоевывает и эти последние места, где они растут.

В настоящее время девяносто пять процентов продовольственных ресурсов производится всего лишь 30-ю сортами растений. Три из них – рис, кукуруза и пшеница – кардинально важны для нас, вместе взятые они занимают более 50 % площадей, отведенных под сельскохозяйственные культуры. (7) Каждый из этих видов всё больше замыкается на ограниченное число запатентованных генетических вариантов, которые и могут один за другим предлагаться в качестве замены сорта, уничтоженного болезнью.

Процесс разработки действительно *новых* сортов, похоже, заканчивается, и генетическое основание, на котором покоится наша цивилизация, начинает выглядеть приблизительно таким же монолитным, как высококачественный вакуум. Если каждые 20 лет хотя бы один из нами оставленных сортов пшеницы, риса и кукурузы будет уничтожаться болезнью, то сколько же останется времени до того момента, как мы лишимся всех сортов? Сколько времени нам останется до того, как мы утратим способность прокормить себя?

* * *

Если из-за такого инбридинга мы потеряем наши основные продовольственные культуры (или, что тоже важно – лекарственные растения), нашей последней и реальной надеждой останется поиск новых культур взамен утраченных в немногочисленных сохранных дикими уголках природы. Я полагаю, что вышесказанное, как ничто другое, указывает на жизненную важность сохранения нетронутыми диких экосистем, пока у нас еще на это есть время, прежде чем все будет распахано, разрыто, отравлено токсинами из воздуха или уничтожено каким-нибудь другим путем. В дикой природе существуют тысячи растений, которые когда-то люди использовали в пищу. По крайней мере, пятьсот из них культивировались в древние времена. (8) В наши дни большая часть из них выживает только в дикой природе. И нам нужно сохранить для них эту дикую природу. В долгосрочной перспективе будет недостаточно хранить несколько тысяч семян в холодильнике или отвести по паре акров для одного или двух сортов каждого растения.

Конечно, дикие экосистемы даже сейчас обеспечивают нам услуги, жизненно важные для нашего выживания. Девственные леса и луга фильтруют и очищают воду и воздух, закрепляют почву на склонах холмов. Насекомые, обитающие там, опыляют посевы и поедают вредных насекомых, которые иначе истребили бы наши продовольственные ресурсы.

Угрозы этим экосистемам (а соответственно, и тем услугам, которые они нам оказывают) столь многочисленны, что здесь я могу лишь упомянуть некоторые из них. Существует много форм *прямого человеческого вторжения* – это охота, браконьерство, незаконное собирательство и отлов, который угрожает самым разным видам – от кактусов и венериных мухоловок до попугаев ара, от обезьян и носорогов до медведей гризли и белоголовых орланов. Это и воздействие через выпас, земледелие, строительство дорог и поселений (деятельность, угрожающая всему, что попадет на пути), и далее вплоть до систематического захвата и разрушения обширных регионов правительствами, гигантскими корпорациями и войнами.

Существует, однако, также много форм (зачастую опасно изоциренных) непрямого воздействия, куда можно отнести травлю животных собаками; людей, разъезжающих на внедорожниках; экспедиции, ведущие геологоразведочные поиски нефти и газа с вертолетов (проблемы, способные стать смертельно опасными для целых видов). Начиная от проектов, касающихся водопользования; загрязнения токсинами, воды и воздуха; и до интродукции экзотических видов (таких как крысы и насекомые-вредители), уничтожающих аборигенные виды.

Все эти угрозы серьезны. Все являются важными составными частями общей угрозы естественной природной среде. Все они заслуживают гораздо большего внимания, нежели я смог уделить им на этих страницах. (9)

Я бы хотел также рассказать вам об ужасающей системе деструктивных решений, созданной усилиями отдельных политиков, правительственных чиновников и корпоративных руководителей. Системе, которая является еще одним из ведущих элементов общей проблемы. Разумеется, невозможно охватить широчайший размах и масштабы этой мерзости (а также крайней необходимости немедленного прекращения оной), пока информация об этом не начнет приходить из всех уголков нашей страны и со всего земного шара, неделя за неделей, месяц за месяцем. Нелегальные разработки полезных ископаемых в самом сердце уязвимых экосистем Аляски и Латинской Америки. Нелегальное дорожное строительство в Северной Калифорнии. Безответственный хищнический лов рыбы, который сейчас разоряет большинство океанских районов рыбной ловли на долгие столетия. Безответственная разработка шельфовой нефти, грозящая стерилизовать наше побережье. Повсеместная безответственная сплошная вырубка в уникальных лесных экосистемах; непростительное использование пестицидов в регионах девственной природы; непростительные проволочки в контроле кислотных

дождей. Немногое из этого попадает на страницы ежедневных газет и экраны телевизоров.

А ведь именно подробности таких историй могут действительно внести эту проблему в наши умы: откровенно тенденциозные поступки правительственных политиканов; незаконные свалки и масштабные разрушительные действия глобальных корпораций; систематическое замалчивание и тенденция не обращать внимания на факты.

В 1982 году случилось так, что «Энергетическая компания Курз» (дочернее предприятие пивоваренного завода) решила, что для разработки нефтегазового месторождения ей нужен кусок целинной нетронутой земли в Колорадо. Однако тому была помеха – земля была недоступна, предлагалось присвоить ей официальный статус природного заповедника. Тогда исподтишка, (но с полным одобрением федеральных агентств, ответственных за защиту этой территории) «Курз» послал бульдозер Катерпиллер Д-8 (Katerpillar D-8), чтобы проложить дорогу через этот участок, при этом обезобразив его как можно больше. Защитники окружающей среды узнали об этом слишком поздно. Землю спасти уже было нельзя. (10)

В 1983 году случилось так, что правительство Франции решило – ему необходима взлетно-посадочная полоса, пролегающая через несколько островов побережье Антарктики (как говорили – для удобства ученых, изучающих редких императорских пингвинов). Указывая на то, что такое строительство отрежет доступ императорским пингвинам к их местам размножения, Французская академия наук единодушно осудила проект. Однако строительство все же началось. Строительные рабочие обнаружили 1600 гнезд пингвинов Адели на пути взлетно-посадочной полосы, вооружившись палками, они разбили все яйца пингвинов. Затем там заложили и подорвали динамит. Бедные пингвины Адели блуждали среди развалин, пытаясь построить новые гнезда. Некоторые из них погибли при взрывах. Французское правительство отказывалось прислушиваться к протестам. (11)

И это только две, никак не связанные друг с другом истории; подобного типа истории, происходят практически ежедневно то в одном, то в другом уголке земли. Я полагаю, что нам пора понять, что спасение пингвинов (или спасение высокогорья Колорадо) само по себе не разрешит кризис. Размышляя о кризисе вымирания, мы приходим к ужасной мысли, что наши потомки, всего лишь спустя каких-то сто лет, никогда не увидят гориллу или шимпанзе, или слона, или носорога, или журавля, или ара, или попугая, или тигра, или кенгуру, или гризли, или галапагосскую черепаху, или ящерицу-ядозуба, или белоголового орлана, живущих в естественной среде обитания. Если через сто лет кто-то из этих созданий еще сохранится, то жить он будет в зоопарке. И, поскольку виды, живущие в зоопарке, медленно утрачивают свое генетическое разнообразие, через несколько сот лет большинство из них вымрет окончательно. Но сохранение больших диких животных, пусть оно и стоит того, не решит проблему.

Экосистемы необходимо сохранять как единое целое. С моделями разрушения нужно бороться в целом. Иначе может погибнуть вся планета.

* * *

Особого внимания заслуживают две угрозы нашим диким девственным участкам природы.

Первая из них – неуклонное сокращение размера остающихся регионов девственной природы, и продолжающееся разрушение естественных природных «коридоров», соединяющих один такой природный регион с другим. Это разрушает клины, о чем я говорил в самом начале статьи, сокращает каждый вид до одиночных изолированных генетических вариантов. Из-за этого они становятся столь же уязвимыми для болезней, что и наши продовольственные культуры.

Вторая угроза связана с первой. Судя по всему, сейчас мы стоим перед вполне реальной опасностью случайного уничтожения «ключевых» видов в наших оставшихся регионах дикой природы – видов, которые поддерживают существование всей экосистемы, и без которых вся экосистема рухнет.

Никто не сомневается в том, что подобные «ключевые» виды существуют, потому что уже известны случаи, когда мы уничтожали такие виды и местная экосистема действительно погибала. Хорошо изучен пример, произошедший в экосистеме приливной зоны (состоящей из животных и растений, живущих на морском берегу между отметками уровня полной и малой воды), где был уничтожен один-единственный вид хищной морской звезды. Менее чем через два года система рухнула, оставив от пятнадцати видов всего лишь восемь. (12)

С другой стороны, экология все еще такая молодая наука, что лишь очень немногие «ключевые» виды идентифицированы как таковые. Несколько примеров вполне очевидны, и я упомяну их здесь. Но должен просить вас помнить о том, что *мы не знаем, каким видам в дикой природе можно без опаски позволить умереть*. А принимая во внимание то, сколько видов, скорее всего, вымрут в ближайшие сто лет, эта мысль просто пугает.

Допустим, в каком-то регионе мы уничтожим инсектицидами пчел, многие виды растений (включая некоторые продовольственные культуры) потеряют способность к воспроизведению и затем тоже вымрут. Следом вымрут насекомые и животные, живущие на этих растениях. Пчелы являются «ключевым» видом, и убивающие их ядовитые химикалии, действительно, серьезнейшая угроза.

Кроме того, имеется много сельскохозяйственных регионов, где наше использование пестицидов приводит к неожиданно неприятным последствиям. Вместо того, чтобы убивать вредных насекомых, уничтожающих наши урожаи, химикалии убивают насекомых и птиц, поедающих вредителей и тем самым контролирующих их

численность. В результате ущерб от вредителей в этих регионах не уменьшается, а растет из года в год, фермеры же вынужденно применяют пестициды в количествах, серьезно угрожающих здоровью людей. Если пестицидам когда-нибудь удастся полностью покончить с полезными видами, питающимися вредными насекомыми, или же если ущерб, наносимый пестицидами, попадающими в нашу пищу, поднимется до уровня серьезных генетических последствий, то это будет показательным примером того, как уничтожение «ключевого» вида привело к нашей собственной кончине. (13)

Гибель наших продовольственных и древесных культур, истребление диких сортов и видов, которые могли бы заменить наши культуры, разрушение девственных «систем поддержки» через угасание и исчезновение, уничтожение «ключевых» видов – все это части второго всеобщего кризиса: кризиса вымирания и разрушения генетической копилки. И снова, так же, как и в первом кризисе, точка «невозврата» оказывается менее чем в сотне лет от сегодняшнего дня. Как только мы пройдем ее, у нас больше не будет планеты, способной генерировать новые виды по мере вымирания старых. Мы сможем продержаться еще какое-то время после этого до первых случаев выхода из строя культур, способных опрокинуть нашу цивилизацию, возможно, лет двести или триста. Но как только мы потеряем контроль над происходящим, мы потеряем и всякую способность к восстановлению. Вся планета не восстановится и за миллионы лет. Этот кризис способен покончить с нашей цивилизацией навсегда.

* * *

Внимательные читатели этой статьи возможно, уже поняли, что кризис исчезновения видов и кризис производительности земли тесно связаны между собой. Если мы теряем почву, нам придется распахивать больше целинных земель, чтобы компенсировать эти потери, и генетическая копилка пустеет; если болезнь уничтожает наши сельскохозяйственные культуры, почва, на которой они произрастали, остается беззащитной. Существуют ли убедительные примеры такого рода событий? Есть ли глобальные «ключевые» виды, на которых держится вся планета?

В известном смысле, да. Почти весь кислород в атмосфере вырабатывается всего лишь в двух регионах: в тропических дождевых лесах и в океанах. И оба эти региона практически в осаде. Согласно оценке Программы ООН по окружающей среде (ЮНЕП) каждый год истребляется 28 000 кв. миль нетронутого тропического дождевого леса (и еще много тысяч квадратных миль тропического редколесья). При таких темпах 80% остающихся тропических дождевых лесов будет уничтожено в течение ста лет. А если учесть то, что почти все минералы, необходимые для экосистем тропических дождевых лесов находятся в связанном состоянии в самих деревьях (а не в пропитанной влагой почве), становится ясно, что, будучи однажды уничтожены, они не смогут возродиться заново в течение тысячелетий. (14) [В настоящее время есть данные о том, что тропические леса из-за активно происходящих в них процессов гниения потребляют сами

почти весь кислород, который выделяют. Поэтому ключевая роль в выработке земного кислорода принадлежит океану и лесам Сибири, – *прим. ред.*]

Наряду с этим, ежегодно десятки миллионов тонн высокотоксичных произведенных человеком веществ выливаются с наших ферм и городов (а также попадают в воздух), и большая их часть попадает в океаны. К примеру, 30% из всех когда-либо произведенных составляющих ДДТ уже в океанах. (15) Жак-Ив Кусто и другие океанологи неоднократно отмечали разительное уменьшение жизни в океане, произошедшее за последние тридцать лет. В основном, это обусловлено чрезмерным выловом рыбы. Тоннаж морского улова рыбы начал снижаться в 1971 году, в основном из-за вышеупомянутой причины, но также из-за увеличения содержания токсинов. Дельфины, киты и другие обитатели глубин, над сохранением которых защитники окружающей среды работали долго и упорно, возможно исчезнут из-за наличия ядов. Но самая реальная угроза нависла над микроскопическими организмами [многочисленными видами планктона, – *прим.ред.*], которые живут в верхнем слое воды толщиной в несколько футов и пополняют земные запасы кислорода.

Парниковый эффект в настоящее время рассматривается как реальная неизбежность. Поскольку содержание кислорода в воздухе падает, а содержание углекислого газа возрастает, планета будет нагреваться. Многие значимые регионы сельскохозяйственных угодий, такие как Средний Запад США, высохнут и превратятся в пустыню. Уровень морей поднимется и наши прибрежные города затонут. К токсинам, которые уже содержатся в морской воде, в прибрежных районах добавятся дополнительные ядовитые вещества с полигонов для хранения опасных отходов и ядерных электростанций. (16)

Но проблема этим может не закончиться. Если погибнут наши тропические дождевые леса и планктон океанов, уровень содержания углекислого газа перейдет дозволённые границы, в результате растения и животные уже не смогут дышать воздухом, насыщенным углекислым газом. Погибнет вся жизнь. (17)

И это третья и самая страшная угроза из всех.

Часть 4. Голоса Бога

С самого начала моей целью в этом цикле лекций было предложить нам принять общие принципы экологического движения – нам не просто как отдельным личностям, поскольку многие из нас уже этим занимаются, – а нам как группе: как Религиозному обществу Друзей.

Я верю в настоятельную необходимость такого шага. Я верю в то, что, невзирая на небольшое число квакеров в этом мире, невозможно разрешить проблему трех великих экологических кризисов без нашей организованной помощи.

Далее, я полагаю, что действия в этом направлении являются нашим истинным долгом. Что Свет внутри нас, учение и пример Иисуса, труды и примеры наших предшественников-квакеров – все это призывает нас работать над поиском выхода из этих кризисов, точно так же, как призваны мы работать над тем, чтобы положить конец войнам, жестокости и ненависти.

Эти убеждения пришли ко мне не просто. В конце концов, мы – *религиозное* общество, и конечной целью религиозного общества являются не политическая деятельность, и даже не спасение жизней, а стремление пестовать отношения между членами сообщества и Создателем. Если мы, *действуя в рамках своей принадлежности к Друзьям*, выступаем против войны и жестокости, так это потому, что Христос в своем увековеченном учении и через наши собственные духовные водительства, заповедал нам поступать именно так. И подобное поведение никоим образом не отвлекает нас от основной миссии нашего общества, поскольку мы полагаем, что, подчиняясь Христу, позволяя себе быть ведомыми, мы вырастаем в более глубокое, более устойчивое единение с ним.

Но можно ли то же самое сказать об экологической политике? Что общего между охраной почв, контролем за выхлопными газами, законом о пестицидах или сохранением девственной природы и учителем, сказавшим «Царство Мое не от мира сего» (1) и «Не собирайте себе сокровищ на земле»? (2) Чего стоит наша обеспокоенность тем, что здесь в Америке спустя каких-то пятьдесят лет может быть голод, или даже наша забота о выживании продуцентов кислорода на нашей планете для того, кто сказал: «Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить; ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам»? (3)

Слишком легко утратить преображенное осознание духовной жизни в горячности и суматохе политической активности. Мы знаем, что Христос предупреждал нас о подобной ошибке – когда, он говорил, что всякий, гневающийся на брата своего, подлежит геенне огненной, и заповедовал нам не противиться злему. (4) Мы видели, что может случиться, когда пренебрегают таким учением – например, распри в Северной Ирландии или между вызывающими сожаление пустыми и неискренними фанатичными приверженцами нашего американского религиозного правого крыла. У этих людей нет ничего в душе, кроме нетерпимости, горячности и страха, что что-то может пойти не так.

Почему же тогда я говорю, что наше религиозное общество должно выйти на политическую арену? Почему нам следует вмешаться в мирские дела, что потребует от нас всех большого напряжения сил и временных затрат, при том, что четких к тому указаний в

Священном Писании нет? Почему бы нам не оставаться в стороне, сохраняя чистоту и непорочность, и проводить вечера, занимаясь чем-нибудь иным? (5)

Прежде всего, и я уверен, что большинство Друзей прекрасно это понимают, когда Христос призывал всех, кто мог услышать, подняться над этим миром к Господу, он никоим образом не отрицал этот мир, как не имеющий значения. Наоборот: он занимал активную позицию. И хотя он предупреждал нас не позволять мирскому захватывать нас, он, тем не менее, призывал нас вмешиваться, идти на риск, привносить любовь, которую мы постигаем в молчании, в наши отношения с братьями.

Когда Христос призывал нас не гневаться, он далее дал нам совет: «Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье» – а это ведь активный позитивный политический акт. (6) Когда он повелевал нам не противиться злему, он предполагал, что вместо этого мы прибегнем к своего рода моральному дзюдо [мягкому действию – *прим. ред.*] – когда ударят тебя в правую щеку твою, подставь и другую; когда возьмут у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; когда принудят тебя идти с ними одну милю, иди и вторую по доброй воле. (7) (Конечно же, дзюдо – это японское боевое искусство, суть которого не в том, чтобы противиться своими действиями нападению противника, а в том, чтобы помочь ему двигаться в том направлении, в котором он и так уже двигается.)

Есть такие деятели, которые пытаются претворить советы Христа в практику, не осознавая при этом их сущность. Они подставляют другую щеку, но с антагонизмом, преисполненные эмоциональным сопротивлением целям нападающих. Они используют своё христианство как средство унижения.

А это совсем не то, что имел в виду Христос. И я полагаю, эта мысль станет совершенно ясной, если мы проанализируем собственные поступки Христа в период с момента его ареста и до распятия. Когда его ударили, он не попытался унижить напавшего на него и говорил так, чтобы умиротворить происходящее и оставить как можно меньше дурных предчувствий: он просто призвал внимание напавших на него к надлежащим судебным процедурам. (8) Он не сделал ни малейшей попытки примириться со священниками, ибо видел, что уже слишком поздно. Но он призвал осознать их собственное эмоциональное состояние и задуматься над тем, что, в конечном счете, может быть поставлено на карту. В этих поступках видна его забота о своих обвинителях. (9) И наконец, в разговоре с Понтием Пилатом, где возникла явная возможность коммуникации, Христос осторожно выбирал слова, чтобы исключить любую возможность проявления антагонизма. (10)

Не думаю, что своими советами подставить другую щеку и пройти вторую милю, Христос просто рекомендовал нам надеть власяницу. Скорее, он подталкивал нас учиться быть *действительно в гармонии* со всеми встреченными нами, даже с теми, кто считает себя нашими врагами – такая реакция, если она идет *от чистого сердца*, обезоруживает

даже самых враждебно настроенных оппонентов и открывает двери для истинной коммуникации. Положительные результаты не гарантированы: Христос любил своих врагов, а они, тем не менее, его распяли. Но это единственный способ, дающий нам возможность «мириться с соперниками своими на пути к судье». Эти слова и по сей день не звучат, как не от мира сего, они совершенно ясно демонстрируют нам, как осуществляется мир. (11)

Духовное дзюдо Христа, так же как и его физический эквивалент, содержит в себе гораздо больше, нежели просто отдать свое сердце. Христос удивлял бесконечным множеством сюрпризов – непредвиденное развитие событий, неожиданная правда.

Все это мы можем увидеть, к примеру, в случае, когда (в присутствии сторонников римского марионеточного правительства) фарисеи спросили Христа, считает ли он «законным» (или «допустимым») платить налоги Цезарю. (12) Несомненно, фарисеи были уверены, что любой ответ Христа они смогут обернуть в свою пользу. Но попросив монету и обратив вопрос к вопрошающим, Христос перехватил инициативу, не только удивив этим фарисеев, но и отступив от их сценария. В то самое мгновение он их ошеломил.

А затем Христос заговорил с чистосердечной симпатией к заботам своих слушателей, опасавшихся реакции Рима на любой намек на восстание: «отдавайте кесарево кесарю» – еще один сюрприз. И теперь, когда его слушатели почувствовали облегчение, а фарисеи совершенно потеряли почву под ногами, когда все сердца на мгновение утратили даже малейшую возможность сопротивляться ему, он добавляет решающий аргумент: «а Божие Богу». (13)

То же самое искусство видим мы и в диалоге с Пилатом: Христос постоянно произносит слова, которые застигают прокуратора врасплох, заставляя его вновь и вновь заново оценивать ситуацию. То же самое ощущение остается и после инцидента с изгнанием менял из храма – вместо того, чтобы вступить с ними в бесполезный спор. Христос предпочел взять оплот штурмом, и менялы были настолько ошарашены, что прислушались к нему. (15)

Следовательно, заповеди, такие как «не противься злему» и «не ссорься с братом своим», не были запретами, направленными против активной позиции; они были запретами, направленными против определенной *формы* активности. В чем они, безусловно, схожи с советом Христа не собирать себе сокровищ на земле. Совет, отнюдь не имеющий в виду отбить у нас желание участвовать в делах мира, он просто учит нас не опираться в жизни своей на надежду мирского вознаграждения. Фактически, Христос обозначил некоторые формы вовлеченности в дела мирские (в виде активной гражданской позиции), как *обязательные* – к примеру, когда он заявил, что в конце времен судить нас будут по деяниям нашим по отношению к «сырым» мира сего. (16) Но говоря нам не противиться злему, Христос дал понять, что средства, которые мы выбираем, ничуть не менее важны, нежели цель. (17)

Эту точку зрения Христа – важность самоограничения в рамках духовного дзюдо, и необходимость избегать более легких антагонистических форм социальной активности – мы зачастую попросту не слышим. Мне доводилось внимать аргументам, доказывающим, например, что методы Христа «не противиться злему» хороши, если речь идет о противостоянии один-на-один, но они совершенно не годятся для массовых движений. Конечно, это вздор, как доказал Ганди в Индии, а Мартин Лютер Кинг продемонстрировал в нашей стране. Наш собственный Американский Комитет Друзей на службе общества творит чудеса, обучая большие группы достаточно воинственно настроенных людей воздерживаться от насилия и конфронтации, и вместо этого выигрывать свои «битвы» просвещая и удивляя. (18)

Для сравнения, мы можем поразмышлять над тем, какую цену мы платим, если *не* следуем методике Христа. Ряд реформ, принятых Конгрессом за годы, прошедшие со времен Великой Депрессии, спровоцировали негативную реакцию правого крыла – зачастую реакцию поразительной интенсивности – и все потому, что реформаторам не удалось наладить мир со своей перепуганной оппозицией. То же самое происходит и сейчас с контрреформами, которые назойливо навязывают «новые правые» консерваторы. Они тоже не предпринимают никаких усилий, чтобы примириться со своими критиками, и их усилия полностью проваливаются.

То же самое происходило и с экологическим движением: реформы последних лет двадцати спровоцировали общенациональную ответную реакцию типа «оставьте нас в покое», которая все с большим эффектом продолжает нейтрализовать усилия защитников окружающей среды. И это серьезно! Если мы хотим, чтобы отважная авантюра существования человечества продлилась дольше еще одного столетия или около того, необходимо принять, уважать и проводить в жизнь уже узаконенные реформы. Жизненно необходима работа над дальнейшими реформами. *Любое* сопротивление, направленное против защиты окружающей среды способно привести к летальному исходу.

Природоохранному движению в срочном порядке необходимо овладеть духовным дзюдо Христа. Это первое и главное, что я хочу сказать. Это утверждение никак не связано с теорией. Я даже еще и не пытался продемонстрировать, что мы, безусловно, призваны спасти окружающую среду, либо цитируя высказывания Христа, либо объясняя это внутренними побуждениями Духа. Я просто излагаю результаты практических наблюдений. У нас, у Друзей, по моему мнению, имеется более глубокое понимание и более самоотверженная преданность ненасильственной, трансцендентальной политике Христа по сравнению с любым другим течением. Именно это ставит нас в особое положение. Если мы не будем учить защитников окружающей среды, то кто тогда этим займется? А если никто не будет их учить, то что же станет с планетой?

* * *

Мои аргументы этим не исчерпываются.

Мы должны также принимать во внимание тот факт, что невозможно практиковать метод Христа, не войдя в особое состояние. Когда Христос инструктировал своих апостолов, он уделял этому особое внимание. Он сказал: «Вот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби». Слово, выбранное Христом для обозначения «мудрый», (*φροῦνιμος – греч.*) как правило, скорее относится к чувствительному сердцу, нежели к интеллекту или знанию мира; слово, которое он использовал как «просты» (*ἀκέραιος – греч.*), означает свободу от любого проявления внутреннего смятения и разлада. Невозможно непринужденно удивить своего слушателя, если душа говорящего не будет исполнена шутливости, не будет полностью лишена внутреннего смятения. И не удастся подружиться с обвинителем своим, если не будет говорящий обладателем чувствительного сердца.

Христос отмечал два симптома жизни, проживаемой полностью в Присутствии. И он продолжал утверждать, что его апостолы, как проживающие в этом Присутствии, не должны заботиться: «как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать, ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить в вас». (20) Иными словами, к тем, которые живут по Духу и водимые Духом Божиим, методы Христа придут естественным образом. (21)

«Не заботьтесь» – вот основной смысл совета Христа. Слишком часто мы отклоняемся от пути Света из-за некоего ощущения неуверенности или неадекватности. Но Христос видел это в своих последователях и прямо говорил об этом. Вслушайтесь еще раз в отрывок, процитированный мною в начале этого раздела, который, казалось бы, совершенно ясно направлен против экологического движения: «не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить...» Теперь мы с вами видим, что на самом деле Христос вовсе не выступал против природоохранной деятельности. Он просто еще раз повторял, *Прекратите беспокоиться о будущем*. «Да не смущается сердце ваше и да не устрашается». (22) Делайте то, что должно с сердцем покойным, уповая на Господа. Будьте просты, как голуби! Ибо когда такое было, чтобы кому-либо от забот лучше становилось? (23)

Мне кажется, что такую практику внутреннего умиротворения, вкупе с практикой любви и примирения, можно считать основным принципом защиты от потрясений политической деятельности. Нам действительно необходимо избавиться от опасений, что христианство и защита окружающей среды в какой-то степени несовместны.

И установив этот факт, я бы хотел остановиться на положительной стороне. Есть ли какой-нибудь способ увидеть в защите окружающей среды *воплощение* учения Христа? Думаю, что да, и таких способов несколько.

Начнем с того, что между нашим восприятием природы и нашим восприятием Бога существует некоторое родство. Я не хочу сказать, что это одно и то же. Скорее, то, как мы

ощущаем присутствие Бога в нас идентично тому, как мы ощущаем его близость в мире природы.

Мы ощущаем побудительную руку Господа в природе так же и с той же интуицией, которая говорит нам, что события, управляющие нашей жизнью, не просто случайны. И, когда мы видим, как собираются грозные тучи, подсвеченные лучами солнца, или как дикий зверь замер в тишине на лесной поляне; или когда мы наблюдаем смену времен года, россыпи цветов по весне, горы осенних листьев и пролетающие стаи диких гусей; или когда мы следим за ходом лет – тогда оба внутренне присущих осознания – близости Бога и его побудительной руки – пробуждаются и сливаются воедино.

Мудрено ли, что исходной религией человечества было обожествление природы? Стоит ли удивляться тому, что для своих встреч с Богом Моисей отправлялся в пустыню? Первое переживание встречи Моисея с Богом, неопалимая купина, терновый куст, что «горит огнем, но не сгорает», может существенно отличаться по *глубине и яркости* от нашего собственного опыта мира природы, проникнутого сиянием Господа, но меня трудно убедить в том, что они разнятся по *сути* своей. Скорее мне кажется, что Господь предпочел сконцентрировать свой блеск и великолепие в одной точке с тем, чтобы привлечь внимание Моисея. (24) То же самое можно ещё сказать и о последующих богоявлениях на Синае – в виде облака, залитого сиянием «как огонь посядающий», и звуком трубным или громом. (25)

Живая среда обитания также и для Христа была естественным местом для поиска общения с Господом. В самом начале своего служения он удалялся в пустыню держать пост. И там он воздерживался не только от пищи, но и от всех отвлечений цивилизации. И именно эти отвлечения и неестественное использование духовной силы искушали его. (26) Мы читаем, что Христос «удалился оттуда на лодке в пустынное место один»; что «пошел он на гору помолиться», и что в последнюю ночь перед распятием он, придя в Гефсиманию, пошел в глубь сада, чтобы предать себя воле Божьей. (27) Можно также вспомнить, что именно «на горе высокой особо» он явился Петру и Иакову в блистающих одеждах, и беседовал с Илией и Моисеем, и явилось облако, осеняющее их, и из облака сошел глас. (28)

Природа не единственный наш путь контакта с Богом, и даже не наиболее важный. Но мы можем разделить с Иисусом и Моисеем (и с Иоанном Крестителем и с Илией) ощущение того, что Господь освятил природу и все пути к Господу, которые открываются я нам в единении с природой. Это чувство – корневой стержень природоохранной деятельности. И это чувство существовало задолго до того, как мы узнали об угрозе нашей цивилизации, задолго до того, как мы узнали значение таких слов, как «экосистема». И это чувство существует, чтобы заставить нас осознать несправедность разрушения экологии.

Поскольку Христос учил нас, опираясь не на теорию, а на власть любви, неудивительно, что многие из его увековеченных заповедей построены именно на этом

ощущении святости природной жизни. (29) Конечно же, прежде всего Христос учил прямой связи между личностью и Богом и главенствующему значению этой связи в нашей жизни. Но среди своих проповедей, связанных с миром, по-видимому, особое значение Христос придавал тем, в которых говорилось, что о мире следует заботиться и всячески пестовать.

Это особое отношение можно видеть в таких притчах, как притча о добром самарянине или о пропавшей сотой овце. (30) И с еще большей ясностью это проявляется в совете Христа фарисеям, пригласившим его поесть с ними, и в его прощальном наказе Петру «паси овец моих». (31) В своем рассказе о царе, который захотел рассчитаться с рабами своими, Христос сказал, что если мы хотим, чтобы небеса были добры к нам, мы сами должны быть добрыми. (32) А в притче о Страшном суде Христос провозгласил, что он ждет от нас следования этой политике кротости и заботы до *крайнего возможного* предела: «так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне». (33)

Имел ли в виду Христос, что это отношение добросердечия и заботы следует применять исключительно к нашим собратьям по роду человеческому, как хотят в этом убедить нас некоторые исследователи? А моллюсковый дротик и мытник Фербиш [травянистое растение семейства Заразиховых – *прим.ред.*] слишком незначительны для того, чтобы включить их в список братьев Христовых? Может быть и так – но я бы особо не рассчитывал на такое толкование. Ведь Господь явился Моисею в виде пылающего куста, и в моем представлении, это говорит о том, что даже кусты в явлении Господа столь же важны, как и мы, люди. Если мы обнаруживаем присутствие Бога в природе, разве это не делает природу родственной Богу? К тому же, когда Иисус учил своих апостолов «не беспокоиться», он провозгласил, что ни одна ласточка не упадет, пока Бог того не пожелает – верный признак того, что Бог озабочен судьбой каждого живого существа. (34)

В притче о Суде Христос совершенно ясно показал, что и праведные, и неправедные не понимали, насколько важными могут быть «братья наши меньшие», вплоть до самого того момента, пока Христос сам не сказал им. О чем это говорит вам?

Христос также учил нас взаимосвязанности всего живого и тому, как важно дорожить той жизнью, от которой зависит наша жизнь. Проще всего увидеть это в притче о Добром самарянине, которую, как вы помните, Иисус рассказал, когда один законник спросил, что ему делать, чтобы наследовать жизнь вечную. И сам же ответил так: «возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя».

«А кто мой ближний?» – спросил законник. И тогда Христос рассказал о человеке, который попался разбойникам, и те бросили его израненного. Двое уважаемых людей прошли мимо него, не пожелавши принять в нем участие. И только третий, изгой Самарянин не только остановился, но и сделал все, чтобы помочь бедняге. И спросил Христос: «Кто из этих троих, думаешь ты, был ближний попавшемуся разбойникам?»

имея в виду, кого из них израненному прохожему надлежит любить как себя самого? «Того, кто остановился, чтобы помочь ему» – сказал законник. Тогда Иисус сказал ему: «Иди, и ты поступай так же, и будешь жить». (35)

Любите этих живых существ, обеспечивающих вам возможность существовать, как самих себя, и вы будете жить! Даже если это одноклеточные микроскопические водоросли? Совершенно верно! Это учение Христа исполнено простого здравого смысла.

Иисус учил социальной и экологической ответственности: он сказал, что в конце времен нас призовут к ответу за все, что мы сотворили с богатством, доверенным нам; и что лучше бы мы смогли вернуть больше, чем дано было нам. (36) Значение его слов может быть чисто духовным – он хочет, чтобы мы в полной мере воспользовались тем «сокровищем, скрытым на поле», той «драгоценной жемчужиной», с которыми он сравнил Царство Небесное. (37)

Но, с другой стороны, может быть, это значение и не было чисто духовным – и в этом случае идея оставить планету нашу, доверенную нам Господом, оскудевшей и менее плодородной, по сравнению с тем, какой мы ее получили, заведомо неверна. Иисус предупредил нас, что если мы скажем себе: «Учитель мой, Иисус, уж точно не появится в ближайшие пару дней», и предадимся кутежам и побоищам, то окажется, что горим мы в огне. (38) Именно к этому и ведет экологически безответственное потребление, разбушевавшееся на нашей планете. Именно об этом сказал Джордж Фокс:

«Какую же плату ожидает Господь от вас за его землю, дарованную им... только чтобы вы величали его и чествовали, благодарности ждет он и славы; и чтобы вы не истребляли существ иных ради прихотей ваших, но обращались с ними по-доброму; именно вы, которым дано так много – с ними, которым дано так мало; и так чтить Господа всем существом своим; поскольку ничего не принесли вы с собою в этот мир, ни с чем вы из мира и уйдете, но оставьте всех тварей живых после себя в таком виде, в каком нашли вы их, которых Господь послал всем народам и всем поколениям в услужение». (39)

Волхвы чувствовали, что их удостоили чести неопишуемой, когда преподносили Иисусу золото, ладан и миро. Мария, сестра Марфы, несомненно, испытала тот же трепет, когда принесла Иисусу кувшин с драгоценным маслом. (40) Какой же еще более прекрасный материальный подарок можем мы предложить Господу от нашего служения, нежели его планету, спасенную от опустошения?

И наконец, Христос учил благоразумию. Он был категорически против всех видов разрушительного безумия, изгоняя демонов из одержимых. (41) Но он учил также и позитивному душевному здоровью, поскольку плоды Духа – мир, гармония и истина – вряд ли могут быть чем-нибудь иным. Что бы тогда он мог сказать по поводу безумия, способного сделать наш мир необитаемым?

* * *

Эти четыре заповеди – забота о беспомощных, уважение к взаимосвязанности и взаимозависимости всего живого, рациональное хозяйствование, и приверженность к здравому смыслу – занимают столь центральное и основополагающее место в идеологии экологического движения, что я уверен – человек, придерживающийся этих принципов, осведомленный о реальности экологического кризиса, неизбежно окажется рьяным защитником окружающей среды.

И поскольку Друзья, как правило, относятся к тем людям, которых трогают именно эти элементы учения Христа, то совсем не удивительно, что многие из нас уже состоят в каких-то экологических организациях, и ещё больше среди нас озабочено этой проблемой. В конце концов, я бы сказал, что сам по себе факт нашего столь заметного участия уже показатель того, что Христос призывает нас к действию.

И все же уровень нашей вовлеченности на сегодняшний день – отдельные люди, работающие над конкретными проблемами; периодическое чтение Советов, Вопросов и Руководства к действию – далек от того, на что мы способны. Неужели это действительно все, что мы можем предложить в ответ на голос Господа, вопиющий в наших сердцах? Мы добились гораздо большего в вопросах насилия и войн.

Почему же наши усилия в области защиты окружающей среды столь отрывочны и бессистемны? Не потому ли, что мы все еще так и не поняли, что землю нашу можно убить окончательно чисто экологическими средствами? И не подобны ли мы отроку Самуилу, что до сих пор не понимаем, Кто говорит с нами в тишине и призывает нас к действию? (42)

По-моему, оба эти объяснения до определенной степени верны. Но, кроме того, я думаю, существует и третья причина.

По моему личному ощущению первопричины экологического кризиса заложены в экономике и в направленности на собственное «я». Глобальные корпорации, устоявшиеся властные структуры, дорогостоящие инвестиции в технологию, широко распространенные неправильные представления и всеобщая приверженность к потреблению – все это играет свою роль. Требуется изменить очень большую систему, а ей присуща такая духовная слепота, что люди, благодаря которым она продолжает существовать, часто «вовсе не имеют никаких намерений угнетать». (43)

Если все, на что мы способны, – это время от времени посылать несколько долларов в Национальное общество Одюбона или Управление охраны природы, отдавать на переработку старые газеты и алюминий, сдавать холодильники, то, конечно же, наши поступки принесут *какую-то* пользу. Но совершенно очевидно, что этим перевернуть систему нам не удастся. И пусть мы усовершенствуем себя, огромное большинство людей останутся прежними, почва продолжит эродироваться, сельскохозяйственные культуры продолжат все больше вырождаться, дикая природа будет уничтожаться, токсины по-прежнему будут сливаться в море, а экономико-политический Джаггернаут [искаж. инд.

Jagannatha; буквально " владыка мира", – прим.ред.] так и будет с грохотом нестись по дороге к гибели.

Я думаю, на сегодняшний день большинство из нас это осознаёт. Но наша типичная реакция на это – отчаяние, а отчаяние парализует. Система кажется нам слишком большой, чтоб её можно было изменить.

Проблема отчаяния заключается не в том, что это чувство отбивает у нас охоту к действиям, а в том, что отчаяние начинается с неспособности осознать, что же делает Господь. Оно начинается с предположения, что Господь не создал никаких механизмов, способных противодействовать Джаггернауту – а это просто неверно.

Уже появились, по крайней мере, три мощных силы противодействия, каждая из них – внутреннее побуждение, истинный голос Бога, возникающий в сердцах людей и через сердца говорящий повсюду. Эти силы противодействия за короткий срок так выросли и окрепли, что уже предотвратили немалое число случаев уничтожения окружающей среды.

Хотелось бы перечислить эти силы противодействия:

Во-первых, речь идет о движении ТНМД («Только Не в Моем Дворе») – простейшей, наиболее примитивной и, тем не менее, самой громогласной силе из трех. (44) Не следует недооценивать ТНМД. Здесь работает тот же самый инстинкт, который заставляет зверей убегать от лесного пожара, но при этом подкрепленный и усиленный человеческим разумом. Эта сила возникает повсюду, где люди чувствуют угрозу своей жизни, собственности и ближайшим окрестностям. Именно она остановила атомные электростанции, распыление пестицидов, строительство плотин, загрязнение воды и воздуха, захоронение опасных отходов, и многие другие несправедливые деяния практически во всех уголках мира. И что еще важнее, воодушевленных ею она наполнила желанием узнать больше о более масштабных и долгосрочных проблемах, как бы заставила обнаружить всю планету на своем заднем дворе.

Во-вторых, это социальная и экологическая ответственность, свойственная всем тем, кто способен заботиться даже о тех людях, с которыми они не рассчитывают когда-нибудь встретиться. Она воодушевляет тех, кто думает о сохранении природы даже тогда, когда в этом нет непосредственной необходимости, кого беспокоят проблемы долгосрочные, такие как эрозия почвы и парниковый эффект. В значительной степени благодаря этой силе повысилось энергосбережение и здесь, и в Европе, она стала важным фактором американской политики.

И, в-третьих, существует альтруизм – самая милосердная и мудрая сила из трех, порожденная ощущением драгоценности *любой* жизни, именно это чувство призывает нас заботиться о судьбе всех живых существ. Никто не описал эту силу лучше нашего доброго старого Друга Джона Вулмана. (45) (Зачастую мы полагаем, что подобные чувства

присущи только святым, таким как Вулман, или людям таким, как мы с вами, и забываем о том, что сотни тысяч членов таких организаций, как Сиерра-клуб, Управление охраны природы, Общество любителей дикой природы и Гринпис, вступили в них, движимые именно этим чувством.)

По всему миру усиливается беспокойство состоянием окружающей среды. Повсюду люди признают, что, хотя примерное поведение с необходимостью и требуется от каждого из нас по отдельности, одного его уже недостаточно. Сообщения об активизации движения за охрану окружающей среды и реформы приобретают все более отчетливое политическое звучание. И они приходят теперь не только с нашего континента и Европы, но и из Австралии, Индонезии, Индии, Китая, Аравийского полуострова, Уганды, Мадагаскара, Перу и Панамы, каждый месяц всё с большего числа мест. Для многих стран третьего мира катастрофа уже не отдаленное будущее, а неминуемая реальность – и эти страны всерьез начинают задумываться о реформах.

В любой точке земного шара на каждого отдельно взятого человека, активно работающего на реформу, приходится тысяча других переживающих острое беспокойство людей, которые, тем не менее, все еще бездействуют. Три голоса Господа – ТНМД, чувство ответственности и альтруизм – звучат в их сердцах. Но они медлят по тем же самым причинам, что и мы.

Если бы хотя бы десятая часть этих людей отважилась на действие, мир бы изменился.

И здесь мы должны еще раз учесть разницу между экологическим кризисом и кризисом в любой другой сфере: ситуация с экологией будет только ухудшаться. В случае любого другого кризиса – войны, применения ядерного оружия, расизма, сексизма, краха нашей конституции – мы можем надеяться каким-то образом удержаться в стороне и выйти из него невредимыми. Но с экологическим кризисом дело обстоит совершенно иначе.

С точки зрения экологического кризиса, Америка, вероятно, самое безопасное место в мире. Мы считаемся одним из крупнейших в мире экспортеров продуктов питания. В пределах наших границ расположены колоссальные запасы природных ресурсов, и штаб-квартиры большинства транснациональных корпораций, загрязняющих отходами весь остальной мир, расположены именно в нашей стране. И все же мы намного беднее, чем были в 1970 году. По сравнению с данными пятилетней давности, количество частных домов в расчете на душу населения значительно сократилось, да и дома стали гораздо меньших размеров, и топим мы их зимой хуже. У нас все меньше новых машин, дороги и мосты приходят в упадок; финансирование школ становится все более скудным; меньше, чем когда-либо, выделяется средств на помощь неимущим (и практически ничего не остается для науки); и наша задолженность по потребительскому кредиту стремится к уровню, на котором уже станет неуправляемой. Процесс заметен

даже на мельчайших деталях: в 1982 году среднестатистическая машина проехала на 30% миль меньше, чем в 1972 году, а наша диета включает в себя все меньше мяса по чисто экономическим причинам. И, несмотря на сущий вздор, который несут экономисты, очевидным остается простой факт – большая часть этих процессов проистекает по причине истощения наших природных ресурсов и неудовлетворительного управления нашими природными экосистемами.

Но то, что мы утратили на сегодняшний день, это всего лишь десерт. В ближайшие пятнадцать лет мы потеряем гарниры. А затем придет очередь главного блюда. Так или иначе, те необходимые десять процентов людей, которых это волнует, вынуждены будут отказаться от позиции сторонних наблюдателей! Дело только в том, при каких обстоятельствах это произойдет.

На ближайшее будущее (лет сорок или около того) мне представляются возможными два альтернативных сценария. По первому из них мы, Друзья (и другие настроенные на духовность люди) продолжаем колебаться как можно дольше. Наконец, катастрофа разражается. Мир рассыпается в прах. И единственными, кто готов заполнить образовавшуюся брешь и удержать рассыпающийся на части мир, единственными, кто уже мобилизован и обладает необходимыми умениями, оказываются люди, стремящиеся к власти – демагоги и будущие диктаторы. И поскольку такие лидеры больше думают о власти и богатстве, нежели о реформе, реформа так и остается чисто косметической. И тогда все пропало.

По второму, диаметрально противоположному, сценарию мы активно *включаемся* в происходящее. Мы активизируем наше Религиозное Общество. Под этим я не подразумеваю, что каждый из нас станет активистом, просто наше Годовое Собрание *публично, в средствах массовой информации* заявит о поддержке реформы, и мы организуем хорошо подготовленные местные группы квакеров-активистов, точно также как мы это делали в нашем движении против насилия и войны.

Мы просвещаем общественность. Мы обращаемся к тем, кто противодействует идее введения ограничений. Мы обращаемся к пастве других течений в христианстве, а также других религий с тем, чтобы создать экуменическое движение и экуменическое свидетельство. Мы встречаемся с главами корпораций, правительств и с государственными чиновниками, точно так же, как Друзья поступали в прошлом (а иногда так же поступают и сейчас).

Но в первую очередь мы вносим в набирающее силу экологическое движение духовную составляющую, в которой это движение так отчаянно нуждалось, направляя и удерживая экологическое движение в рамках соблюдения правил духовного дзюдо Христа, Ганди, Будды и Мартина Лютера Кинга. Мы оберегаем движение в защиту окружающей среды от приобретения слишком многочисленных врагов. Мы помогаем ему оставаться партией большинства.

Я уверен, что мы, Друзья всегда будем оставаться крошечным меньшинством в этом мире. Но, заговорив об экологическом кризисе и особо об этой конкретной статье, я был поражен тем откликом, который я получил по всей стране от читателей, *не* являющихся квакерами. Похоже, что люди ожидали чего-то подобного. Мне кажется, что мы сейчас в крайне выигрышной позиции, и если мы заговорим, то нас услышат. А если будем действовать, то встретим поддержку и помощь в духе доброй воли.

Почему я так уверен? Я думаю, ответом могут послужить слова, не так давно написанные поэтом Уэнделлом Берри:

Для продолжения существования человечества (на одном и том же месте) необходимо постоянно через череду поколений, сменяющих друг друга, грамотно использовать землю и почву и хорошо работать. Потому что в любой аграрной местности, где земля будет разоряться и подвергаться эрозии – а так повсюду и будет – плохая работа не позволит «кое-как довести дело до конца»; рано или поздно жизни человечества придет конец. Стабильность существования человечества практически является синонимом правильного пользования землей, а время правильного пользования землей значительно длиннее жизни любого хорошего фермера. Чтобы добиться этого... мы должны создать сообщество. Без сообщества хорошая работа одного-единственного фермера или одной семьи не будет иметь особого значения, да и не будет длиться достаточно долго... В культурном аспекте, сообщество представляет собой систему сохраняемой памяти ... в наставлениях, песнях, сказках и ... в обычаях. В здоровых культурах знание сохраняется в состоянии полной *готовности к использованию* в течение *длительного* времени... Жизненно необходимая мудрость накапливается... точно также, как накапливается в почве плодородие. (46)

Мы так же близки к центру того, из чего вырастает сообщество, как и почти все живые существа, потому что мы избрали путь миротворцев. И по этой причине нам была предоставлена эта редчайшая возможность послужить ядром чего-то, что находится на самой начальной стадии зарождения.

Если мы будем действовать, сохраняя верность своему призванию, если мы будем черпать из мудрости, накопленной в нашем религиозном обществе за триста лет существования, нам не нужно беспокоиться о результатах. Голос в наших душах поведет нас. Мы позволим ему говорить через нас, и окажется, что слова его будут приняты с радостью.

В конечном итоге, мы на стороне единого и гармоничного целого. А весь мир жаждет жить в мире с природой.

И мы можем запустить процесс перемен от страдания к жизни.